

Глава II

ПРАВЫЕ И «СВЯЩЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ» (1914 — начало 1915 г.)

§ 1. Правые объединения Государственной думы и Государственного совета накануне Первой мировой войны

Подходя к вопросу о роли фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета в годы Первой мировой войны, для понимания последующих событий и полноты их описания следует остановиться на освещении ряда моментов, относящихся к предыстории темы. Предвоенное время уже было для правых периодом постепенного упадка (практически он начался с 1908 г.), который лишь усугубился во время войны, приведя в конце концов правый лагерь к полному краху. Это был период спада как численности, так и активности правых сил, поскольку, как казалось тогда многим представителям власти в Российской империи, революционные потрясения безвозвратно ушли в прошлое, а тесное и неприкрытое сотрудничество с ультраконсервативными течениями в новых политических условиях компрометировало правительство.

Союз русского народа (включая и позже выделившиеся из него Русский народный союз имени Михаила Архангела и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа) уже выполнил, по мнению многих сановников и членов правительства, свою миссию в 1905–1907 гг. Теперь же, когда «красных тряпок» на улицах уже не было, правые должны были сойти со сцены, дабы не дискредитировать правительство в глазах широких слоев либерально настроенной общественности. Недавний покровитель правых, дворцовый комендант генерал-адъютант В. А. Дедюлин в 1912 г. отмечал: «На той (левой. — *А. И.*) стороне таланты, образование, знание, а на этой стороне кроме хулиганства и невежества нет ничего... Ну, что это за люди! А ведь

хотят из себя разыгрывать второе правительство».¹ По справедливому мнению историка правого движения Ю. И. Кирьянова, правительственная власть в этот период уже не столько помогала правым, сколько терпела их.²

Безусловно, власть нуждалась в надежной опоре, но в то же время она пыталась сдерживать правое движение в определенных рамках. Правительство стеснялось ультраправых взглядов своих добровольных защитников, столь непопулярных в «культурном обществе», пытаясь отмежеваться от них, превращая тем самым, по выражению лидера СРН Н. Е. Маркова, полки в академии.³ Поэтому, несмотря на регулярную финансовую поддержку правых организаций вплоть до 1917 г. и активное вмешательство правительства в предвыборную кампанию с целью провести проправительственное большинство, власть стремилась обуздать «излишнюю» активность и самостоятельность правых партий и союзов, направляя ее в удобное для себя русло. Такая позиция приводила к ослаблению правого лагеря и, как следствие, — обострению взаимоотношений между правыми организациями и правительственной властью.

Кроме того, правый лагерь был ослаблен постоянными внутренними расколами и распрями, а, следовательно, зачастую был вынужден бороться не только с либеральным и революционным движением, но и с внутренними «ересями». Поддержка правых среди населения после революции 1905–1907 гг. начала стремительно сокращаться. Консервативный лагерь пополнялся в основном за счет «глуби народной», как говорилось в одном из очерков деятельности правых.⁴ Подавляющее большинство дворянства и интеллигенции осталось в стороне от правомонархического движения, большинство членов которого составляли помещики-землевладельцы, представители православного духовенства и крестьяне, особенно в северо-западных и юго-западных губерниях (черта еврейской оседлости).

В годы Первой мировой войны наметившиеся тенденции получили развитие. «Две трети интеллигентного общества и купечества — за них [оппозиционеров. — *А. И.*], горожане вторят статьям левых газет, большинство бюрократии — тоже за них», — писал в годы войны видный правый деятель, астраханский купец Н. Н. Тиханович-Савицкий.⁵

¹ Цит. по: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 28; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 165.

² Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы (1905–1917 гг.). М., 1998. Т. 1. С. 20.

³ См.: Марков Н. Е. Войны темных сил. [Кн. 1]. Париж, 1928. С. 137.

⁴ Правые партии. Документы и материалы... Т. 1. С. 27.

⁵ Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 188.

При таких условиях представительство правых в IV Государственной думе едва ли могло быть значительным, если бы не стремление правительства оказывать на выборах определенное содействие правым и националистам. Правительство, видя оппозицию даже в октябристах, не говоря уже о кадетах, пыталось завладеть центральным пунктом позиции противника, т. е. Думой, создав в ней умеренно-правое большинство. Это большинство должно было сделать Думу такой, какой она была нужна правительству, т. е. работоспособной, патриотической и лояльной.

В рамках данного исследования не будем подробно останавливаться на выборах в IV Государственную думу и взаимоотношениях в ходе них правых и власти — эта тема достаточно подробно освещалась нами в других работах.⁶ Отметим лишь, что, как показали выборы, правительство отнюдь не стремилось к тому, чтобы обеспечить торжество крайне правых сил, хотя при наличии такового желания вполне могло бы этого достигнуть. Но в правящих кругах полагали, что создание Думы с явным преобладанием крайне консервативного крыла невозможно, так как такое положение дел, с точки зрения правительства, возглавлявшегося умеренно-либеральным В. Н. Коковцовым, исключалось политической обстановкой в стране и могло негативно отразиться на авторитете власти в среде либерально настроенной общественности.

Кроме того, правый лагерь отнюдь не был един в своем отношении к Государственной думе. Попасть туда стремились лишь так называемые «умеренные» правые (СРН, РНСМА), т. е. сторонники государственного устройства, в котором определенное место отводилось Государственной думе, формально созданной и действовавшей по воле царя. Сразу оговоримся, что термин «умеренные» по отношению к этим организациям весьма условный и используется нами исключительно для сравнения с такими правыми партиями как ВДСРН, Астраханская народная монархическая партия (АНМП) и т. п., занимавшими еще более консервативные позиции. Попав в Государственную думу, «умеренные» оказались самой консервативной фракцией и получили в рамках парламентской системы наименование «крайне правых».

«Неумеренные» крайне правые (ВДСРН, АНМП), т. е. сторонники возвращения к порядкам, существовавшим в России до издания Манифеста 17 октября 1905 г., нападали на более умеренных собратьев во время предвыборной кампании не меньше (если не больше), чем на оппозиционные

⁶ Иванов А. А. 1) Правые партии и выборы в IV Государственную думу; 2) Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 24–32.

силы. В их глазах марковы и пуришкевичи имели лишь «внешнее» сходство с монархистами «истинными». По образному сравнению крайне правого публициста Н. Н. Жеденова, «умеренные» напоминали правоверных монархистов, как маргарин напоминает сливочное масло (т. е. внешне, но не качественно).⁷ А публицист Ю. С. Карцов, хоть и принадлежавший до войны к РНСМА, но придерживавшийся более правых позиций, чем многие его члены, в отношении лидера думских правых Н. Е. Маркова замечал: «За тридцать сребреников казенной субсидии на издание газеты и устройство собственной организации поступился он полностью царской власти, и черносотенство выдал правительству с головой».⁸ Подчеркивая зависимость думской фракции правых от правительства, ультраправая «Гроза» называла ее «бюрократической фракцией», т. е. «таким же подчиненным всем ведомствам учреждением, каким, например, является полиция, которой все влиятельные лица тычут, как потребуются».⁹

Более того, такой известный деятель АНМП, как Н. Н. Тиханович-Савицкий, придерживавшийся крайнего, дубровинского направления, отмечал, что раз монархисты не смогут составить подавляющего большинства, то следует «дать гг. министрам левую Думу из социалистов и кадетов, преимущественно из социалистов», что левая Дума желательнее Думы октябристской и националистической, т. к. правительство будет вынуждено ее распустить. В конце он делал вывод, что «истинные» монархисты должны вообще бойкотировать думские выборы.¹⁰ Эту позицию разделяли и дубровинцы.¹¹ Открыто выступить против действующей по воле императора Государственной думы «неумеренные» правые не могли, но, по сути, они заняли едва ли не антигосударственные позиции, защищая накануне выборов в Думу принцип: «чем хуже — тем лучше».

Иных взглядов придерживалось руководство СРН и РНСМА. Ссылаясь на то, что сам царь призвал Думу, а потому не признавать ее монархисты

⁷ См.: Жеденов Н. Маргариновы монархисты. СПб., 1912.

⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.

⁹ Гроза. 1913. 7, 10 марта.

¹⁰ Тиханович-Савицкий Н. Должны ли монархисты принимать участие в выборах в 4-ю Государственную думу. Астрахань, 1912. С. 8.

¹¹ Характерно в этом отношении признание такого правого деятеля как Н. Н. Родзевича, писавшего в частном письме «патриарху» правых К. Н. Пасхалову: «Членом Гос. думы я, слава Богу, не состою; если бы даже имел все шансы пройти, я бы не выставил своей кандидатуры <...> Мое убеждение, что Гос. дума развращает даже самых стойких правых, которые, ослепленные тем почетом, который оказывается депутатам, становятся защитниками парламентаризма» («Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова. 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С. 14).

не имеют права, оно осудило позицию крайнего крыла правого лагеря и приняло активное участие в выборной кампании. «Как ни неудачно, как не ошибочно составлено положение о выборах в Гос. Думу, все же иного, кроме Гос. Думы, выразителя голосов всей русской земли нет», — писала проводящая взгляды СРН «Курская быль».¹² Лидер думских правых Н. Е. Марков считал своих единомышленников в СРН «земско-соборниками»,¹³ самим этим названием указывая на признание ими необходимости народного представительного органа. А член Главной палаты РНСМА, депутат Государственной думы III–IV созывов Г. А. Шечков, имевший репутацию «горячего сторонника Маркова» и «вандейца»,¹⁴ неоднократно подчеркивал, что быть в Думе — прямая обязанность правых. По его мнению, разбивая на местах врагов церкви, престола и Родины, правые также должны их преследовать и в Государственной думе, чтобы она не превратилась в оплот и цитадель левых сил.¹⁵ Поэтому участие в выборах в Государственную думу и последующую законодательную работу в ней «умеренные» расценивали как долг каждого истинного монархиста и всеми силами стремились его исполнить.

Таким образом, в отличие от Государственной думы II и III созывов, где был представлен весь спектр правых сил, в Думе IV созыва крайне консервативный фланг был представлен лишь умеренным крылом черносотенного лагеря. Собственно крайне правые, или «правые революционеры», как их иногда называли за стремление демонтировать выборные представительные институты думской монархии, участие в выборах 1912 г. проигнорировали.

Чтобы составить представление о программе правой фракции IV Государственной думы накануне Первой мировой войны, кратко приведем основные постулаты монархистов, которые были ими выдвинуты на выборах.

- Укрепить «древнее благочестие» и восстановить патриаршество;
- содействовать «истинному просвещению» крестьян, которое оказалось бы полезным для их хозяйственных нужд;
- предоставить льготные условия приобретения земли крестьянами через Крестьянский банк;
- поддержать переселенцев путем предоставления льготных ссуд и широкой правительственной помощи;

¹² Курская быль. 1915. 18 июля.

¹³ Падение царского режима... Т. 6. С. 179.

¹⁴ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М–76 (1). Л. 187

¹⁵ См.: Стрелков А. Т. Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000. С. 73.

— улучшить материальное положение и условия труда рабочих. (Всем остальным подданным правые обещали «спокойные условия для труда»¹⁶).

Неудачу в решении этих вопросов ранее правые объясняли тем, что во всех трех Думах их была «малочисленная кучка».

Как видно из этой программы, она была куда более скромной (хотя реально и более выполнимой, нежели предвыборные обещания их политических противников) и в связи с этим заранее непопулярной для большинства избирателей. Традиционно являясь сторонниками «малых дел», как справедливо отметил историк Ю. И. Кирьянов, правые проявляли взвешенный, трезвый подход при решении наиболее социально-экономических вопросов, в то время как планы либералов и радикалов нередко страдали утопичностью выдвигаемых требований.¹⁷ Но привлечь на свою сторону значительное число сторонников такими обещаниями, в то время как оппозиция сулила «золотые горы», было достаточно трудно. Кроме того, слабым местом программы правых было то, что они никак не могли отрешиться от защиты дворянского землевладения, а, следовательно, не могли и предложить какого-либо привлекательного для крестьянских масс решения аграрного вопроса в России.

По завершении выборов у правых была надежда, что Дума будет исключительно консервативной (этого же боялись и либералы с левыми), и первая официальная статистика как будто подтверждала эти сведения: правых числилось 146 человек, националистов — 81, октябристов — 80, а всей оппозиции — 130.¹⁸ Но как только депутаты съехались, выявилась совершенно иная картина: оказалось, что авторы подсчетов совершенно огульно зачислили чуть ли не всех крестьян и священников в ряды правых, тогда как многие из них присоединились к октябристам, а то и к прогрессистам. Существовавшее на бумаге правое большинство растаяло. К тому же часть депутатов, первоначально записавшихся в ряды правых, в первые же недели покинули их. Некоторые, напротив, записавшись сперва в октябристы, беспартийные, умеренно-правые, или пытавшиеся создать особую беспартийную земскую группу, к концу ноября примкнули к фракции правых.¹⁹

В итоге численность консервативно настроенных депутатов, образовавших фракцию правых (самоназвание группы), составила 64 человека и

¹⁶ Вихров А. Кого выбирать в 4-ю Государственную думу. М., 1912. С. 29–32; Полный текст предвыборного послания правых партий и организаций см.: Правые партии... Т. 2. С. 254–269.

¹⁷ См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России... С. 334.

¹⁸ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 2. С. 91.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 572. Л. 2–58.

1-го примыкающего, что было на 15 человек больше по сравнению с III Думой.²⁰ Тем не менее, несмотря на прирост в 25 %, правые ожидали, несомненно, большего. Доверившись данным предварительной статистики, наиболее ретивые из них даже поспешили занять для своих будущих соотарищей побольше мест в Таврическом дворце (правыми было занято 150 мест, хотя в действительности их оказалось в 2,5 раза меньше).²¹

И тем не менее, по сравнению с предшествующими созывами Государственной думы численно представительство правых было как никогда большим. Но, как справедливо замечает Н. И. Алымова, хотя «в IV Думе правые и националисты с помощью власти и церкви смогли увеличить свое представительство <...>, но по иронии истории эта Дума, имевшая наиболее мощное консервативное крыло, сыграла самую революционную роль в истории России».²²

Распределение сил в IV Думе оказалось следующим: крайне правых и примыкающих к ним — 65; националистов — 88; независимых националистов (группа центра) — 33; членов Союза 17 октября и примыкающих к ним — 98; кадетов и примыкающим к ним — 59; прогрессистов, включая примыкающих — 48; трудовиков — 9; социал-демократов — 15; членов польского коло — 9; белорусско-польско-литовская группа — 6; мусульманская группа — 6; беспартийных — 6.²³

Таким образом, ни правые, ни левые, ни центральная группа Думы большинства не получили. Правые и националисты, хотя не без поддержки властей и усилились, но все же своими полутораста голосами ничего не могли сделать против 280 остальных членов Государственной думы. Более того, правые практически сразу же оказались в изоляции. Еще до начала войны стало очевидным всеобщее желание отмежеваться от правых, чем последние были весьма встревожены и обсуждали меры по преодолению сложившегося положения и поднятия своего престижа. Даже союзники правых — националисты, которые «путались между октябристами и зубрами»²⁴,²⁵

²⁰ *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 34.

²¹ Первый год жизни Четвертой Государственной думы. СПб., 1913. С. 9.

²² *Алымова Н. И.* Правомонархические партии на выборах в IV Государственную Думу. С. 123.

²³ *Боювич М. М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии): Четвертый созыв. 1912–1917 гг. М., 1913. С. XXV.

²⁴ Прозвище «зубры» было дано защитникам самодержавия с подачи Н. Е. Маркова, однажды заметившего, что «правые такая же редкость, как зубры». См.: *Богоявленский Д. Д., Иванов А. А.* «Курский зубр» Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) // *Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века.* СПб., 2006. С. 116.

²⁵ *Кольшко И. И.* Великий распад. С. 259.

вскоре большинством голосов постановили, что работа в Думе должна вестись совместно с октябристами. По вопросу о взаимодействии с фракцией правых большинство националистов встало на точку зрения, что возможны совместные действия лишь с ее отдельными членами, но не с фракцией в целом.²⁶

Что касается социального состава фракции правых, то выглядел он следующим образом: из 64 фракционеров и одного примыкающего к правой фракции (академика Г. Е. Рейна, с 1916 г. главноуправляющего государственным здравоохранением) оказалось: дворян — 25 чел., представителей православного духовенства — 21, крестьян — 15, купцов — 1, других — 3.²⁷ Приведенные цифры прекрасно подтверждают вышеприведенные слова Н. Н. Тихановича-Савицкого о практически полном отсутствии в этот период в рядах правых представителей интеллигенции, буржуазии, купечества, рабочих и вообще горожан. Таким образом, правая фракция больше чем на две трети состояла из дворян-землевладельцев и представителей православного духовенства.

Треть фракции (12 человек) не были новичками и являлись депутатами Думы предшествующих созывов. Высшее образование имели 22 человека, среднее (преимущественно духовное и военное) — 24, низшее или домашнее — 18 человек. Большинство избранных депутатов имело духовное образование (21 человек), 11 человек получили юридическую подготовку, трое были отставными военными.²⁸

По партийной ориентации явно преобладали члены СРН²⁹ (не менее 20 человек), не менее четырех принадлежало к РНСМА, остальные, видимо, являлись беспартийными правыми монархистами (преимущественно крестьяне

²⁶ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25; Там же. № 10. С. 11.

²⁷ Подсчитано автором по материалам личных дел членов Гос. Думы. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 4, 16, 20, 51, 64, 66, 69, 94, 108, 132, 162, 173, 191, 199, 200, 244, 275, 281, 290, 296, 305, 317, 328, 334, 396, 431, 433, 434, 441, 448, 454, 484, 502, 509, 527, 528, 560, 569, 574, 631, 632, 644, 646, 653, 702, 723, 733, 745, 748, 751, 763, 772, 779, 811, 813, 820, 842, 848, 856, 888, 890, 921, 930, 935. См. также: *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы: численность и состав (1912–1917) // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 63–65.

²⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; *Мираков М. В.* Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы. С. 45.

²⁹ Впрочем, не все члены СРН вошли во фракцию правых. Исключение составил тамбовский депутат князь В. М. Волконский, член СРН и Союза русских людей, вошедший в беспартийную группу Думы.

и священники).³⁰ Большинство правых депутатов либо уже являлись членами Русского собрания, либо стали таковыми сразу же после избрания в Государственную думу.³¹ К так называемой «думской элите», к которой можно отнести депутатов Думы предшествующих созывов, членов Совета старейшин (Сеньорен-конвента) и руководство фракции, можно отнести 15–16 человек, т. е. около четверти членов фракции.³² По вероисповедной принадлежности все члены фракции являлись православными.

При этом правые были преимущественно представлены следующими губерниями — Курской, Волынской, Нижегородской и Вятской, давшими в совокупности больше половины депутатского состава фракции правых. Из них наибольшее число правых депутатов дали Курская и Волынская губернии. Депутаты этих регионов все без исключения вошли в правую фракцию. Курская губерния дала 11 депутатов (из которых только трое были избраны впервые, остальные являлись членами Государственной думы III созыва), поголовно являвшихся активными деятелями СРН³³ (исключение составил лишь В. М. Пуришкевич (председатель Главной палаты РНСМА), избранный по Курской губернии, но курянином не являвшийся³⁴). Столько же правых депутатов (11 человек) дала и Волынская губерния, где национальное самосознание и консервативные взгляды были традиционно присущи русскому православному населению.³⁵ Нижегородский губернатор

³⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; РГИА. Ф. 1327. Оп. 1 — 1912. Д. 30, 33 а, 33 б, 34, 35 а, 35 б.

³¹ По нашим подсчетам, членами Русского собрания в разные годы состояли 36 депутатов фракции правых. Подсчитано по: Список членов Русского собрания. 1913 г. СПб., 1913; Список членов Русского собрания [Вторая половина 1914 г. — первая половина 1915 г.] // *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 320–339.

³² РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1122, 1158; *Николаев А. Б., Поливанов О. А.*, Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 62–65.

³³ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 207; *Салтанов Н. М.* Политический консерватизм в Российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997. С. 21; Двуглавый орел (Париж). 1926. № 2. 24 декабря. С. 12; *Стрелков А. Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. С. 80–83.

³⁴ В результате конфликта с влиятельным кланом Крупенских, имевшим большое влияние в Бессарабии, Пуришкевич не рискнул выставлять свою кандидатуру от родной губернии, а, заручившись поддержкой Н. Е. Маркова, и незадолго до выборов приобретя поместье в Курской губернии, баллотировался как «курянин». Подробнее см.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 186–190.

³⁵ Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указанные дела; РГИА Ф. 1327. Оп. 2. Д. 195. По подсчетам исследователя И. В. Омелянчука, из 97 депутатов, избранных с территории Украины, 59 принадлежало к фракциям правого лагеря, включая

А. Н. Хвостов, проводивший на выборах политику явного административного вмешательства, тоже весьма преуспел. Ему удалось провести в Думу исключительно убежденных монархистов: 6 правых и 1-го националиста (сам Хвостов был избран от Орловской губ.).

В президиум (Совет) правой фракции были избраны: А. Н. Хвостов — председатель (в конце 1913 г. его сменил профессор С. В. Левашев); Н. Е. Марков и С. В. Левашев — товарищи председателя; А. Д. Мешковский — секретарь фракции; К. М. Струков — казначей.³⁶ Членами Совета фракции (избран 14 июля 1912 г.) также стали: Г. Г. Замысловский, В. М. Пуришкевич, Т. Д. Попов, П. А. Барач, К. М. Околович, К. А. Тарасов, князь Б. А. Голицын. Оба архиерея, ставшие членами правой фракции, — епископы Никон (Бессонов) и Анатолий (Каменский), вошли в Совет фракции в качестве почетных членов.³⁷

Но самыми яркими лидерами фракции правых, не имевшими конкуренции по своей популярности в монархическом движении с другими своими софракционеромы, были прежние «герои» III Думы и руководители крупнейших черносотенных союзов — В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков и, в несколько меньшей степени, Г. Г. Замысловский. «Лидерами правых, — вспоминал депутат Б. А. Энгельгардт, — были Марков II,³⁸ Пуришкевич и Замысловский. Все трое неплохо владели словом, и надо признать, что их речи неизменно вызывали интерес, хотя часто сопровождались взрывом негодования на левом крыле, особенно при выступлениях Маркова и Пуришкевича, которые не стеснялись и сыпали резкими выражениями вовсю. Марков проделывал это в солидном тоне, Пуришкевич трещал, как пулемет, и нередко прибегал к чисто хулиганским выходкам, за что бывал неоднократно

националистов (Омельяничук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000. С. 110); Подсчет правых депутатов по географическому признаку также сделан М. В. Мираковым. По его данным: Центрально-промышленный район — 5 депутатов (7,8% от общего числа членов фракции); Центрально-Черноземный район — 15 (23,3%); Урал — 2 (3,1%); Украина и Белоруссия — 24 (37,8%); Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье — 18 (28,1%) // Мираков М. В. Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы. С. 45.

³⁶ Донесения Л. К. Куманина из министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 24; Там же. № 3. С. 15; Государственная дума. IV созыв. I–II сессия. Справочник. СПб., 1912, 1913, 1914.

³⁷ Мираков М. В. Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы С. 45; Земщина. 1912. 17 ноября.

³⁸ Приставку к фамилии «второй» Н. Е. Марков получил по существовавшей традиции, вводившей номерные обозначения, если в одном учреждении (организации, полку) были однофамильцы.

чуть ли не силой выводим из залы».³⁹ Что же касается основных недостатков обоих лидеров думской фракции правых, то, отмечал Ю. С. Карцов, «Марков II помешан был на властолюбии и не выносил равного», в то время как «большим местом Пуришкевича являлось тщеславие».⁴⁰

Н. Е. Марков, как и В. М. Пуришкевич, имел репутацию народного трибуна,⁴¹ также славился своим «запальчивым нутром».⁴² «Высокого роста, он обладал незаурядной внешностью, голову нес высоко и горделиво, в разговорах был резок и заносчив. В карих глазах его виднелась не столько решимость и энергия, сколь упрямая непримиримость. Надо все ж отдать ему справедливость, по-своему, „Марков 2-ой“ являлся человеком неглупым и незаурядным. Он, несомненно, обладал даром красноречия и отличался большим самообладанием, не покидавшим его в самой враждебной обстановке», — отмечал член Государственного совета А. Н. Наумов.⁴³ «Огромным ростом, чертами лица и обильною шевелюрою представлял Марков прямую копию с портрета императора Петра I. Щеголя этим сходством, принимал он повелительные позы, давая понять — походит он на великого преобразователя не только одною внешностью», — отмечал Ю. С. Карцов.⁴⁴ «Марков, верный сам себе, / Левых щелкает везде», — таким двустихием-экспромтом охарактеризовал вождя думских правых софракционер Маркова по III Думе, а в описываемый период видный член правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский.⁴⁵

Стиль же поведения, выбранный В. М. Пуришкевичем в Государственной думе, принес ему поистине всероссийскую известность. Своим эпатажным поведением политик добился феноменальной популярности: уже при жизни его имя стало нарицательным. Как справедливо подметил современник, коллега Пуришкевича по Государственной думе и его политический противник — кадет В. А. Маклаков, «трудно отрицать, что в известное время он был едва ли не самый популярный человек; правда, эта

³⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 322.

⁴⁰ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 259.

⁴¹ В Древнем Риме народными трибунами (*tribuni plebis*) назывались высшие выборные должностные лица из плебеев, обладавшие правом вмешательства в государственные дела и наложением запрета на постановления сената; их личность считалась неприкосновенной. О Маркове как народном трибуне см.: *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 77. Пуришкевич в 1917 г. издавал собственный печатный орган, красноречиво названный им «Народный трибун».

⁴² *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 78.

⁴³ Там же. С. 77.

⁴⁴ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233. Л. 58.

популярность была специфическая и не всем бы понравилась».⁴⁶ «Популярность он приобрел главным образом всевозможными репликами с места и другими выходками, иногда остроумными, а подчас грубыми и неприличными», — писал о Пуришкевиче член Государственной думы профессор М. М. Новиков.⁴⁷ Хулиганом, но при этом человеком весьма неглупым характеризовал Пуришкевича и Я. В. Глинка, прослуживший одиннадцать лет в Думе в качестве начальника одной из канцелярий и хорошо знавший политика. В своих воспоминаниях он писал о нем следующее: «Пуришкевич убежденный ярый монархист, не глупый, смелый в своих действиях и поступках и хулиган в поведении. Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой».⁴⁸ Все без исключения современники Пуришкевича отмечали его крайнюю неуравновешенность, импульсивность, возбудимость, вспыльчивость и неустойчивость мышления. «Увлекаясь какой-либо идеей, — вспоминал депутат Думы князь С. П. Мансырев, — он доводил ее до последних крайних пределов, иногда до абсурда, и казался фанатиком, неспособным на твердое отношение к жизни».⁴⁹ По свидетельству кадета В. А. Маклакова, «он не умел собой владеть, был едва ли нормален. Он был заряженной бомбой, всегда готовой взорваться, а тогда остановить его уже было нельзя».⁵⁰ «Слишком огненным» считал Пуришкевича и видный член правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов.⁵¹

При этом большинство современников считало Пуришкевича хорошим оратором. «Он никогда не терялся, всегда неуклонно вел свою линию, говорил именно то, что хотел, и добивался того впечатления, какого желал. <...> Он был находчив, не смущался никакими перерывами и умел тут же парировать враждебные ему реплики», — писал о Пуришкевиче С. Б. Любош.⁵² Секретарь Думы кадет М. В. Челноков писал о нем: «На кафедре беснуется

⁴⁶ Маклаков В. А. В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К°» / Вместо предисловия // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 13.

⁴⁷ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 183.

⁴⁸ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 51.

⁴⁹ Мансырев С. [Заключение] // Пуришкевич В. М. Дневник «Как я убил Распутина»: Репринтное воспроизведение издания 1924 г. М., 1990. С. 99–100.

⁵⁰ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. (Воспоминания современника). London, 1991. С. 124.

⁵¹ [Богданович А. В.] Три самодержца. Дневники генеральши А. В. Богданович. С. 376.

⁵² Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 10–11, 36.

Пуришкевич. Он говорит очень недурно, бойко, нахально, острит и вызывает гомерический хохот аудитории... Вообще, Пуришкевич человек опасный, вовсе не такая ничтожная величина, как принято думать».⁵³ А кадет (впоследствии прогрессист) князь С. П. Мансырев, опять-таки не принадлежавший к числу сторонников Пуришкевича, оставил о нем следующие строки: «В. М. Пуришкевич был человеком далеко не заурядным. Он обладал громадной инициативой, чрезвычайно обширным и разносторонним образованием и начитанностью (в особенности по истории и классической литературе), большим ораторским талантом и обнаруживал на всех поприщах не совсем обычную для русских неутомимую деятельность... <...> Во всех своих действиях и словах он был неизменно искренен и честен. Никогда и ни при каких условиях не преследовал он скрытых целей, тем более — в видах личной для себя пользы. Это был в полном значении слова — неподкупный рыцарь, господин своего слова».⁵⁴ Причем, если первоначально Пуришкевич слыл «человеком неуравновешенным, гаером и озорником», то ко времени IV Государственной думы «постепенно стали различать в нем крупного политического деятеля», замечал правый публицист и дипломат Ю. С. Карцов.⁵⁵

Отметим также, что, несмотря на кажущееся стороннему наблюдателю единомыслие тандема Марков — Пуришкевич, между этими правыми политиками было далеко не все гладко, что прекрасно показали события времен Первой мировой войны. «Господин Пуришкевич имеет в нем (Н. Е. Маркове. — *А. И.*) серьезного конкурента, тем более что оба — деятели одной школы. Но господин Марков, владея непринужденностью движений и политических приемов руководителя „Союза русского народа“, имеет к тому же могучую фигуру, роскошную шевелюру и зычный голос», — иронично писала кадетская «Речь».⁵⁶ Но дело, конечно же, было не только в контрасте внешности двух лидеров думской правой. Как справедливо отмечал Ю. С. Карцов, «Пуришкевич и Марков хотя и слыли политическими близнецами, велась между ними глухая борьба. Марков не прощал Пуришкевичу популярности его и успехов. Союз Михаила Архангела был бельмом у него на глазу. Находя его бесполезным, непременно хотел он его ликвидировать <...>. Но, как не подъезжал к Пуришкевичу Марков и не

⁵³ Цит. по: *Архипов И.* Кривое зеркало российского парламентаризма. С. 118.

⁵⁴ *Мансырев С.* [Заключение] // *Пуришкевич В. М.* Дневник «Как я убил Распутина»... С. 99–100; Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) // История Государства Российского. Жизнеописание: XX век. М., 1999. Кн. 1. С. 170.

⁵⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259.

⁵⁶ Речь. 1907. 6 ноября; Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 2. С. 211.

расточал перед ним словеса лукавствия, Пуришкевич не поддавался и препятствовал властолюбивым планам политического своего друга, в действительности, соперника и недоброжелателя. „Не забывай, Марков, — напоминал он ему, — ты большая сила в Курске, но не здесь, в Петрограде“.⁵⁷

Г. Г. Замысловскому современники давали такую аттестацию: «Замысловский — очень недурной оратор. Говорит гладко, горячо и содержательно».⁵⁸ По свидетельству современников, Замысловский являлся «серым кардиналом» и «мозгом» правой фракции, направлявшим ее деятельность, не занимая при этом никаких руководящих постов. «Положение правого крыла Гос. Думы является еще более упрощенным. Здесь инспиратором и вдохновителем всех решений является Г. Г. Замысловский. Его директивам, впрочем, не без некоторого противодействия, подчиняется официальный вождь фракции правых Н. Е. Марков и без всякого противодействия — вождь националистов П. Н. Балашев», — утверждал чиновник министерского павильона Гос. Думы Л. К. Куманин, в задачи которого входило проводить мониторинг думских настроений и держать под контролем происходящие в нижней палате процессы.⁵⁹ Однако, по мнению видного правого деятеля Ю. А. Кулаковского, у Замысловского не было «никакой глубины понимания государственных вопросов, а [была] только партийная, тупая защита принципа самодержавия», что было «мало для руководства делом».⁶⁰ «...Замысловский никогда не вызывал в Думе своими речами взрывов негодования, никогда не сосредоточивал на себе такой физической ненависти, как это удавалось нередко Пуришкевичу или Маркову <...> Черносотенная „стихийность“ Замысловскому совершенно чужда», — отмечал Л. Д. Троцкий.⁶¹

Несколько слов скажем и о положении правых накануне Первой мировой войны в Государственном совете. Как таковая, правая группа официально оформилась в 1906 г., т. е. с того момента, как половина состава Государственного совета стала выборной и произошла легализация политических партий, вызвавшая обособление отдельных групп, исходя из их политических убеждений. На правом фланге оказались две группы Совета: правая группа и подгруппа (с 1911 г. — группа) правого центра. Но в контексте

⁵⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 272.

⁵⁸ Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 132.

⁵⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 4.

⁶⁰ Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 104.

⁶¹ Киевская мысль. 1913. 25 октября.

данной работы, посвященной крайне правому флангу российского парламента, нас интересует именно правая группа Совета, традиционно находившаяся в союзнических отношениях с фракцией правых Государственной думы. Что же касается правого центра, данная группа была по своим политическим взглядам близка думской фракции националистов и умеренно-правых и, несмотря на наличие в ней отдельных правых монархистов, в целом была группой консервативно-либеральной, а потому типологически не может быть соотнесена с дореволюционным понятием «правые» или современным — «крайне правые».

Правая группа сформировалась практически сразу же после реорганизации Государственного совета. 29 апреля 1906 граф К. И. Пален и А. А. Половцов собрали в Мариинском дворце около 30 членов Совета, перед которыми выступил видный правый деятель П. Н. Дурново, склонивший их на свою сторону.⁶² Изначально (в 1906 г.) численность правой группы составила 43 человека (22% от общего состава), но в дальнейшем число ее членов постепенно увеличилось и достигло к 1910–1911 максимума — 79 человек (41% от общего состава). После 1911 число членов правой группы колебалось от 57 до 72 человек, составляя на начало последней предвоенной IX сессии (1913 г.) 72 человека (45 по назначению и 27 выборных).⁶³ Таким образом, правая группа была одной из самых многочисленных (по количеству членов с ней мог конкурировать только центр, насчитывавший в указанный период от 51 до 93 человек; остальные группы численно были существенно меньше). 59 ее членов были более или менее тесно связаны с деятельностью Совета объединенных дворянских обществ (Объединенного дворянства), включая таких столпов объединенного дворянства, как А. А. Бобринский, А. П. Струков, А. Д. Самарин, А. А. Нарышкин, В. И. Карпов и др.⁶⁴ Подавляющее большинство членов правой группы были православными (более 88%), но встречались и протестанты из числа обрусевших немцев.

Правая группа не имела никакого программного документа, и сплочение вокруг консервативных, охранительных идеалов носило неформальный характер. Членов правой группы сплачивало ясное понимание своих интересов, вполне определенная позиция по основным вопросам государственной и общественной жизни, а также наличие воли их отстаивать. В числе основных пунктов этой не зарегистрированной программы условно можно выделить следующие:

⁶² *Бородин А. П.* Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. С. 51.

⁶³ Подсчитано по: *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. С. 320–321.

⁶⁴ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 34–35.

— неприятие революции как абсолютного зла;
— неверие в возможность усмирения бунта и умиротворения общества либеральными реформами;

— вера в природные преимущества самодержавной монархии, отношение к Манифесту 17 октября как «непоправимому удару по русскому началу» и «торжеству западных учений».⁶⁵ (Впрочем, в отношении последнего пункта полного единомыслия не было, и те, кто признавал ошибочным введение законодательных органов, ущемляющих прерогативы монарха, тем не менее не отказывались работать в них, считая, что в данное время служение монархическим принципам должно реализовываться всеми доступными политическими средствами, а не отвержением их как таковых.) Бессменным лидером группы правых с 1906 по 1915 г. был П. Н. Дурново.

Петр Николаевич Дурново занимал в 1905–1906 гг. пост министра внутренних дел, на котором проявил себя как решительный и энергичный борец с революцией. По общему мнению современников, он был человеком одаренным, обладавшим независимостью суждений и глубокими аналитическими способностями. Как отмечал биограф Дурново, историк А. П. Бородин, все современники — друзья и враги, при жизни и после смерти — были единодушны в оценке интеллекта правого политика — «замечательно умен», «очень умен»,⁶⁶ «немалая умственная сила»; обладает «государственным умом», производит впечатление «вполне рассудительного человека» и т. д.⁶⁷ «Маленький, крепкий и живой человек, со своей скептической улыбкой и внимательным взором серьезных глаз <...>, человек с ясной головой», — так характеризовал его член Государственного совета В. М. Андреевский.⁶⁸ «...Дурново нельзя отказать в личном мужестве, ни в спокойном достоинстве. <...> Дурново к тому же был выше Столыпина и по уму, по заслугам перед Россией, которую спас в 1905 году от участи, постигшей ее в 1917-м», — утверждал такой крупный государственный деятель, как С. Е. Крыжановский.⁶⁹

⁶⁵ Бородин А. П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. С. 52.

⁶⁶ Точно такую же характеристику Дурново дал и А. А. Киреев (*Киреев А. А. Дневник*. С. 277).

⁶⁷ Бородин А. П. П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 49–50. Автор ссылается на широкий перечень мемуарных и эпистолярных источников, указывая среди авторов данных характеристик Дурново В. Ф. Джунковского, А. В. Герасимова, А. П. Извольского, С. Д. Сазонова, С. Д. Урусова и др.

⁶⁸ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания.

⁶⁹ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 170.

Несмотря на репутацию ретрограда, созданную ему либеральным обществом, сам П. Н. Дурново к таковым себя не относил, а свою твердость в отстаивании самодержавной монархии обосновывал не религиозными (как многие другие правые монархисты) или романтическими чувствами, а исходя из свойственного ему прагматизма. Как свидетельствовал член правой группы Государственного совета А. Н. Наумов, также считавший Дурново человеком «практической разумности, государственной прозорливости и опытности», «сообразительным и решительным», «выдающимся государственным практиком»,⁷⁰ лидер правых в частном разговоре с ним охарактеризовал свою политическую идеологию следующими словами. «Меня, — говорил Петр Николаевич, — все считают за заядлого монархиста, реакционного защитника самодержавия, неисправимого „мракобеса“... и не предполагают, что я, может быть, по своим взглядам являюсь самым убежденным республиканцем, ибо я, на самом деле, считаю наиболее идеальным для всякого народа такое положение вещей, когда население может иметь во главе управления им же самим избранного достойнейшего гражданина президентом. Для некоторых стран подобный идеал, по тем или другим счастливым условиям, становится доступен. Этого ни в коем случае нельзя сказать про нашу обширнейшую и разнохарактерную Российскую империю, где по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга. Не станет его — распадется Россия. Таков неминуемый закон природы Российской государственности».⁷¹ При этом, подчеркивал далее Наумов (сам человек более умеренных взглядов, чем Дурново и в конце концов покинувший правую группу), как лидер группы Петр Николаевич «чрезвычайно терпимо относился ко всем высказывавшимся под его председательством мнениям», вносил «в настроение руководимой им группы сдерживающее начало», умел «находить по многим законодательным вопросам общий язык с инакомыслящими коллегами», «пользовался среди огромного большинства своих сочленов по Государственному Совету безусловным уважением, и с его мнением все считались».⁷²

Об этом же писал и руководитель политического сыска Российской империи, жандармский генерал А. В. Герасимов, отмечавший в своих воспоминаниях: «О нем (П. Н. Дурново. — *А. И.*) сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был <...> отнюдь не человек, отрицавший

⁷⁰ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 49.

⁷¹ Там же. С. 150.

⁷² Там же. С. 150, 212.

необходимость для России больших преобразований». ⁷³ Правда, в отношении гибкости Дурново Герасимов придерживался иного мнения, нежели Наумов, отмечая, что лидер правых «был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур». ⁷⁴

А. Н. Наумов также оставил в своих воспоминаниях небольшие, но довольно точные, подтверждающиеся и другими источниками, характеристики практически всех видных членов правой группы: «грузный, горячий и громогласный архиепископ Варшавский Николай [(Зиоров)]»; «умный, сдержанный и симпатичный архиепископ Новгородский Арсений [(Стадницкий)]»; «смиранный епископ Вологодский Никон [(Рождественский)]»; «энергичный протоиерей [Т. И.] Буткевич»; «славившийся образцовой постановкой редакционного изложения всех составлявшихся <...> законопроектов», один «из лучших ораторов, ясно, точно и обстоятельно излагавших свои соображения и выводы по целому ряду государственных вопросов» А. С. Стишинский; ⁷⁵ «точный и строгий законник», «человек неглупый, но узкий, сухой и крайне нетерпимый» П. П. Кобылинский; «почтенный, душевно милый, но нудный в своих выступлениях», отличавшийся «редким хладнокровием и невозмутимостью» «остроумный старик», «медлительный» А. А. Нарышкин; ⁷⁶ «несомненно умный, знающий юрист и талантливый оратор», но при этом выказывающий «партийную нетерпимость и личную пристрастность» И. Г. Щегловитов; «весь сотканый из „светских приличий“ и сознания собственной своей сановной важности» А. П. Рогович; «не лишенный хохлацкого остроумия» М. Я. Говорухо-Отрок; отличавшийся «исключительной работоспособностью и педантичной точностью» А. А. Макаров; «изысканно-элегантной внешности», «настоящий „барин“ — поместный аристократ, в наилучшем смысле этого слова, со всем присущим подобному лицу благородным образом мыслей и ореолом высокой порядочности», выступавший «редко, но всегда искренне и дельно» А. П. Струков; «высокий, красивый, моложавый», выступавший «деловито и местами горячо» бывший конногвардеец А. И. Мосолов;

⁷³ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 181.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ А. С. Стишинский, отмечал А. Н. Наумов, был среди правых «общепризнанным искусником по части произнесения речей <...>, говоривший всегда вдумчиво, обстоятельно, логично и местами с заметным подъемом, за что заслужил от злоязычного <...> Говорухи наименование „эротического оратора“» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 166).

⁷⁶ По словам генерала А. А. Киреева — «кристаллическая репутация, превосходный председатель, но плохо говорит» (Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 277).

«темпераментный», «обладавший даром слова, но пропитанный особой нетерпимостью ко всем инакомыслящим» князь А. А. Ширинский-Шихматов;⁷⁷ «часто ораторствовавший» и принадлежавший к тем, кто «лучше всего излагал свои мысли» Н. А. Зверев; «большой, упитанный и представительный», обладающий даром слова, но чересчур злоупотреблявший «витиевато-составленными и к делу не относящимися цветистыми фразами, разными мудреными метафорами, с явной претензией бить на эффект» князь Д. П. Голицын; имевший «немало добрых личных качеств», но любивший «донимать собрание своими излишними рассуждениями салонного жанра <...> как своих добрых друзей или званых гостей» князь А. Н. Лобанов-Ростовский.⁷⁸

В правую группу, отмечал далее Наумов, входили почти все представители православного духовенства в Государственном совете; большинство избранников от дворянства (А. П. Струков, А. А. Нарышкин, В. И. Карпов, А. И. Мосолов, А. Н. Лобанов-Ростовский и др.); представители земств (С. И. Зубчанинов, М. Я. Говорухо-Отрок, Д. Н. Семиградов и др.); среди членов по назначению было значительное число высших военных и морских чинов (А. А. Бирилев, И. М. Диков, А. А. Поливанов); лиц, занимавших ранее ответственные гражданские должности (Н. А. Зверев, Д. П. Голицын-Муравлин, А. С. Стишинский, П. П. Кобылинский и др.); а также тех, кто имел за собой заслуги в общественной деятельности (С. Д. Шереметев, С. Н. Гербель и др.).⁷⁹

Учитывая то, что половина членов Государственного совета назначалась императором и могла видоизменяться каждый год, а вторая, выборная половина, переизбиралась раз в три года на одну треть, правые объединения Думы и Совета не могли параллельно действовать в неизменном виде. Так, если фракция правых заметно обновилась в своем составе в 1912 г. в связи с созывом IV Государственной думы, и в дальнейшем происходило лишь перемещение из нее некоторых членов в другие фракции, то правая группа Государственного совета несколько изменялась от сессии к сессии как в связи с новыми назначениями и выборами, так и в связи с уходом некоторых членов в другие группы.

⁷⁷ «Ультраконсерватором», «несколько крайним человеком» считал А. А. Ширинского-Шихматова и А. А. Киреев, сам человек правых взглядов, отмечавший, что за князем закрепилось прозвище *le petit Pobedonostsev* («Маленький Победоносцев» — *фр.*). См.: Киреев А. А. Дневник. С. 69, 157.

⁷⁸ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 151–152, 154, 160–161, 164–168, 212.

⁷⁹ Там же. С. 151.

Правая группа Государственного совета не была идеологически монолитной, являя собой, по сравнению с правой фракцией Государственной думы, довольно аморфное объединение. Как справедливо замечает С. В. Куликов, в ее рядах находились представители как либеральных консерваторов, так и крайне правых (черносотенцев).⁸⁰ При этом лидеры правой группы «вовсе не следовали непримиримым лозунгам» черносотенцев, поскольку имели «свои воззрения на вопросы».⁸¹

Кроме того, внутри правой группы с самого начала ее возникновения чувствовалось внутреннее разделение на назначенных и выборных членов Государственного совета. Как вспоминал выборный член Совета А. Н. Наумов, среди многих назначенных членов «верхней палаты» существовало явное недоверие к Государственной думе и ее членам, в то время как большинство выборных членов воспринимали «нижнюю палату» как учреждение нужное и необходимое.⁸² По словам Наумова, накануне Первой мировой войны отношение многих членов правой группы Государственного совета к IV Государственной думе и правительственному курсу было довольно пессимистичным. «Огромная российская машина была пущена в ход, но рельс впереди было не видно», — писал А. Н. Наумов.⁸³ «Мы находимся в тупике, — говорил в 1912 г. П. Н. Дурново, — боюсь, что из него мы все, с Царем вместе, не сумеем выбраться!»⁸⁴

Впрочем, все эти расхождения внутри правой группы не получили какого-то оформленного выражения.

Кроме того, правая группа Государственного совета на протяжении всей своей истории поддерживала довольно тесные отношения с правой фракцией Государственной думы. Для обеспечения взаимной осведомленности и согласованности действий в период легислатуры III Думы было создано Осведомительное бюро из трех членов правой группы Государственного совета (А. С. Стишинский, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, М. Я. Говорухо-Отрок) и трех членов думской фракции правых (А. С. Вязигин, граф А. А. Бобринский, Г. Г. Замысловский). Председателем бюро был избран член Государственного совета князь А. А. Ширинский-Шихматов. Нередки были совместные заседания членов правой группы Государственного совета с членами фракции правых Государственной думы для обмена мнениями и выработки общей стратегии. Правая группа также сотрудничала

⁸⁰ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 124.

⁸¹ Там же.

⁸² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 152.

⁸³ Там же. С. 215.

⁸⁴ Там же.

с монархическими организациями, особенно с Русским собранием, поддерживала отношения с Постоянным советом Объединенного дворянства, содействовала организации и проведению монархических совещаний и съездов, в которых активное участие принимали и правые депутаты Думы.

Эта близость политических устремлений, равно как и членство представителей правой группы Государственного совета и правой фракции Государственной думы в общих политических (Русское собрание) или словесных (Объединенное дворянство) организациях давало оппозиции основания, несмотря на отсутствие формального объединения, воспринимать правых обеих палат законодательных учреждений как единую «парламентскую партию». «Различие между их вождями в Госуд. Совете и Госуд. Думе <...> имеет преимущественно формальный характер; первые более сдержанны и корректны, чем вторые»,⁸⁵ — замечал либеральный публицист К. К. Арсеньев, считавший правых Думы и Совета единой «партией, руководимой гг. Щегловитовым и Марковым 2-м».⁸⁶ При этом основное, на его взгляд, различие между лидерами правых (большая корректность «советских» правых по сравнению с думскими) объяснялось публицистом не столько большей уравновешенностью и респектабельностью правых членов верхней палаты, сколько спецификой обстановки. В доказательство своего утверждения он приводил следующий довод: один и тот же член правой группы Государственного совета (И. Г. Щегловитов) на монархических съездах выступал совсем иначе, чем на заседаниях верхней палаты. Это же замечание справедливо и в отношении некоторых лидеров правых в Государственной думе. Например, В. М. Пуришкевич не мог позволить себе на съезде Объединенного дворянства того, что без тени смущения вытворял в качестве депутата Государственной думы. Выступая однажды перед дворянским собранием, Пуришкевич, коснувшись скользкого вопроса на пикантную тему, под смех и аплодисменты присутствующих, иронично произнес: «Распространяться здесь (на эту тему. — *А. И.*) я считаю неуместным — для этого есть Государственная дума».⁸⁷ Образно развивая эту мысль, правый политик заявлял: «Когда борются с рыцарями, надевают перчатку, когда имеют дело с обнаглевшим хамом, берут палку и дают по голове».⁸⁸ Представляется, что эта фраза Пуришкевича во многом справедлива и для общей характеристики поведения лидеров правых в верхней и нижней палате: в среде сановных «лордов» во время политической схватки брались за шпагу, в «разночинной» Думе — за дубину.

⁸⁵ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 333.

⁸⁶ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 323.

⁸⁷ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2001. Т. 2. Ч. 2. С. 71–72.

Таким образом, представляется, что существовавшие неформальные связи членов правых объединений обеих законодательных палат, их консультативная деятельность, идентичность названий, а также явно заметная солидарность по основным вопросам политической жизни дают полное право воспринимать их как два крыла одной политической силы. Отсутствие же между ними какого-либо формального единства и общего управления объясняется двумя обстоятельствами: невозможностью законного создания каких-либо общих политических объединений, связывающих верхнюю и нижнюю палату, и желанием обоих объединений сохранять тактическую независимость. Насколько некоторые члены думской фракции правых стремились несколько дистанцироваться в общественном мнении от низовых черносотенных структур, настолько же некоторые правые «лорды» старались держать дистанцию по отношению к своим «необузданным» единомышленникам в Думе. Но наличие этого дистанцирования вовсе не означало отсутствия взаимопонимания и взаимной поддержки.

В Государственном совете накануне Первой мировой войны состав политических сил был следующим: группа правых к началу 1914 г. насчитывала 68 членов, правый центр (близкий думским националистам) — 19, кружок внепартийного объединения (состоял преимущественно из бывших министров) — 12, центр (занимал положение «между кадетами и октябристами»⁸⁹) — 60, левая (преимущественно кадеты⁹⁰) — 12. Удельный вес членов Госсовета в комиссиях на конец ноября 1913 г. выглядел следующим образом: правые — 41,9%, правый центр — 10,5%, кружок внепартийного объединения — 6,8%, центр — 31,4%, левые — 9,2%.⁹¹ При этом ни в одной из трех постоянных комиссий, действовавших в Государственном совете накануне Первой мировой войны (личного состава и внутреннего

⁸⁸ Там же. С. 67. Не удержался В. М. Пуришкевич и от того, чтобы выразить ту же мысль и в стихотворной форме: «Натуры буйному раздолью / Давай простор в кругу лишь тех, / Где бич аттической солью / Рождает идиотский смех. / Где от речей не видно блага, / Где нужен девственный прием, / Где шкуры рыцарская шпага, / Не ранит тонким острием, / Где твой противник — скот презренный, / Где только палкой неизменной / Нахала взявши за бока / Угомонишь его слегка!» (*Пуришкевич В. М. Записки туриста (отрывки) // Прямой путь. 1912. Вып. I. (Октябрь). С. 89.*)

⁸⁹ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 228. «Общий дух октябристский, у некоторых, быть может, приближающийся к право-кадетскому», — так аттестовал группу центра П. П. Менделеев (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 87).

⁹⁰ «В ней, — писал об академической (левой) группе Государственного совета П. П. Менделеев, — подлинный кадетский дух» (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 87).

⁹¹ *Бородин А. П.* Государственный Совет России. С. 134.

распорядка, законодательных предположений и финансовой комиссии), правые не имели преобладания.⁹²

В предвоенные годы в IV Государственной думе, впрочем, как и в предшествующих Думах, фракция правых уделяла немало внимания вопросам внешней политики и состоянию русской армии.⁹³ Безрадостную оценку внешнеполитической ситуации давал еще председатель фракции правых III Государственной думы А. С. Вязигин. Он предупреждал, что «германская армия готовится не только для смотров и парадов», «Турция вооружается и руководима немцами», крепости недостаточно вооружены и «наша западная граница — легко уязвима».⁹⁴ В начале 1912 г. Вязигин писал, что состоится заседание фракции правых (III Государственной думы) «по поводу возмутительного состояния нашей армии, которая не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение».⁹⁵ В IV Думе обеспокоенность правых состоянием русской армии только усилилась. Незадолго до войны В. М. Пуришкевич заявлял с думской кафедры: «Нам необходимо поставить армию на должную высоту, чтобы военному министру не задержали отпуск кредитов на военные надобности <...> необходимо увеличить количество пулеметных команд при наших частях, ибо у нас их гораздо меньше, чем в Германии».⁹⁶

В связи с этим правые были противниками активной политики России на Балканах, справедливо опасаясь, что она неизбежно втянет империю в военный конфликт. Еще в III Думе В. М. Пуришкевич предупреждал депутатов, что необходимо углубиться во внутреннюю работу и не связываться «в те дела, которые <...> могут привести к европейскому пожару и заставить нас втянуться в авантюру, о которую разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец».⁹⁷

⁹² Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 56.

⁹³ Формально, вопросы внешней политики были не в компетенции парламента, однако они поднимались при обсуждении различных запросов, сметы министерства иностранных дел, деклараций правительства.

⁹⁴ Правые партии... М., 1998. Т. 1. С. 33.

⁹⁵ Там же. С. 34; Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 105.

⁹⁶ Цит. по: Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи. С. 156.

⁹⁷ Цит. по: Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 335. При этом Пуришкевич полагал, что неослабизм, проповедуемый кадетами, был провокацией, имевшей целью, «запустив машину общественного мнения, вовлечь Россию в войну с фатальным исходом». «...Когда в результате того, что мы, ослабленные недавней войной, может быть, в новой потерпим

Н. Е. Марков, уже находясь в эмиграции, так комментировал предвоенную позицию правых: «Бросаться в войну, не подготовившись к победе, лишь для того, чтобы не сомневались в благородстве наших чувств, было простительно Дон-Кихоту, но ведь Дон-Кихоты потому и вывелись, что слишком часто пытались защитить угнетенных, не справляясь со своими действительными возможностями победить подчас воображаемых угнетателей».⁹⁸

Поэтому никакого «шапкозакидательства», а тем более военного «угара», перед войной у правых не отмечалось. Традиционно в своей внешнеполитической ориентации правые придерживались приверженности к кайзеровской Германии, с большой осторожностью относясь к сближению с республиканской «революционной» Францией и конституционной Англией, являвшихся, по их представлениям, рассадниками масонских лож, организуемых государственных перевороты.⁹⁹ Печатный орган марковского СРН, являвшийся также выразителем основного курса думской фракции, писал: «Войны никто не желает, и все ее боятся. Боятся ее и Германия, которую разъедает социализм. И сорок лет она не воевала, несмотря на упорные вызовы Англии. Почему же мы должны защищаться от врага, который нам не угрожал, даже во время Японской войны <...> и должны лезть в пасть гидре революции [т. е. Франции. — А. И.]¹⁰⁰».

Лидер фракции Н. Е. Марков развивал эту мысль еще дальше: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией <...> с Германией мы не воевали <...> со времени Елизаветы Петровны. У нас нет причин для войны; нужна война между Францией и Германией; нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно».¹⁰¹ Обращаясь к либералам, Марков интересовался: «Не втягиваемся ли мы в войну, ради каких-то целей, нам неизвестных, только потому, что мы с Францией и Англией идем войной против Германии и Австрии».¹⁰²

неудачу, тогда легче вырвать кормило власти от тех, которые стоят у этого кормила, тогда легче создать тот переворот, к которому стремится партия народной свободы», — предупреждал Пуришкевич (там же).

⁹⁸ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 171.

⁹⁹ См., например: Алексеева И. В. Оппозиция Его Величества... С. 19–20 и др.

¹⁰⁰ Вестник Союза русского народа (далее — Вестник СРН). 1912. № 85. 25 января. Цит. по: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России... С. 343.

¹⁰¹ Цит. по: Богоявленский Д. Д. 1) Н. Е. Марков и Совет Министров... С. 199; 2) Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 177.

¹⁰² Цит. по: Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи. С. 159.

Но проблема заключалась в том, что в отличие от лидеров думских правых, необходимость мирного и дружественного сосуществования России и Германии была к 1914 г. уже совершенно не очевидной для влиятельных немецких кругов, стремившихся к развязыванию военного конфликта. На это в свое время обращал внимание депутат Г. А. Шечков, который, не соглашаясь с курсом фракционных лидеров, утверждал, что прогерманская ориентация обернется в конце концов пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией.¹⁰³ И эти опасения подтвердились. 17 февраля/2 марта 1914 г. в официозе германского внешнеполитического ведомства «*Kölnische Zeitung*» была опубликована статья, предупреждавшая немецкое общество о нависшей над ним опасности со стороны... России. Как утверждал ее автор, Россия вынашивала планы совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 г., а потому «Германии ради собственного выживания необходимо решиться на предупредительную войну против своих противников, еще не готовых полностью к военному столкновению».¹⁰⁴ «Эту тему сразу же, как по команде, подхватили многие другие немецкие, а за ними и австрийские издания», — отмечает историк Б. С. Котов. Инцидент вылился в настоящую «газетную войну», в ходе которой практически все российские периодические издания заняли антигерманскую позицию. Исключением стала лишь марковская «Земщина», которая после недельной паузы попыталась затушевать выпады немецкой печати против России и убедить своих читателей, что, несмотря на газетный шум, Германия желает избежать военного столкновения с Россией.¹⁰⁵

Как вспоминал член Главной палаты РНСМА Ю. С. Карцов, незадолго до войны, на одном из вечеров, устроенных министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, Н. Е. Марков «попробовал было заикнуться о союзе с Германией», но глава МИДа «прервал его категорическим заявлением: „Союз с Германией в предположения русского правительства не входит“».¹⁰⁶ В дальнейшем рассуждения Маркова о союзе с Германией стали главным козырем либеральной оппозиции при обвинении лидера правых и его единомышленников в германофильстве.

¹⁰³ Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... канд. ист. наук. С. 336

¹⁰⁴ Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 89.

¹⁰⁵ Там же. С. 93–94.

¹⁰⁶ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 284.

Таким образом, взгляды правых депутатов существенно разошлись с внешнеполитическим курсом правительства. Но хотя правые всеми силами стремились предотвратить войну с Германией, пытались убедить правительство сменить внешнеполитическую ориентацию, возможность войны ими все же не отрицалась. Продолжая политику своих предшественников по III Думе, правые депутаты четвертого созыва требовали увеличения военного бюджета, военных средств до такой степени, «чтобы миролюбие наше не было истолковано как наша слабость».¹⁰⁷ И поэтому они искренне желали, чтобы кабинет министров в целом и военный министр в частности не считались при обсуждении вопроса о необходимости увеличения боевых сил с тем, как посмотрят на это за рубежом, т. е. Германия, Австрия и др. «С этой точки зрения просто преступно считаться с воззрениями Запада, как бы они не косились на каждый шаг по увеличению наших военных сил, как бы не видели себе вызова <...> Мы хотим мира, но хотим мира не во что бы то ни стало», — подчеркивал В. М. Пуришкевич.¹⁰⁸

Правое крыло III, а затем и IV Государственной думы охотно шло на ассигнование крупных кредитов на военные нужды, чего нельзя сказать о кадетах.¹⁰⁹ Чуть только возникала критика военного министерства, вспоминал член Думы полковник Б. А. Энгельгардт, правые сразу же выдвигали по адресу выступавшего всяческие инсинуации, вплоть до обвинения в измене. Однако когда дело доходило до использования кредитов, правые не всегда приносили пользу персональными выступлениями своих членов, главным образом ввиду слабой осведомленности штатских депутатов в военном деле.¹¹⁰

Не менее горячо правые выступали и против того вопиющего факта, что целые отрасли оборонного производства были отданы в руки иностранцев, справедливо полагая, что оборонять свою родину с помощью тех, кто завтра, возможно, на нее нападет, может оказаться крайне тяжело.

Оценка правыми состояния армии и ее боеспособности всегда характеризовалась искренней озабоченностью и реалистичностью. И в этом

¹⁰⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стб. 300.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 309.

¹⁰⁹ Как отмечает А. А. Дорошенко, в апреле 1914 г. кадеты голосовали против военного бюджета, протестуя против того, что его милитаризация достигается за счет сокращения расходов на культурные нужды. При этом кадеты выступили и против т. н. «Большой военной программы», предполагавшей отпуск значительных средств на перевооружение России (Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи. С. 159).

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 29. Л. 10; Там же. Д. 71. Л. 5.

отношении позиция правых выгодно отличалась от взглядов их политических противников из либерального лагеря (например, октябристов). Правые осознавали, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала несколько лет для полного ее воплощения (окончательная ее реализация планировалась к 1918 г.), а потому всеми силами стремились если не предотвратить (что было бы для них крайне желательно), то хотя бы оттянуть войну с Германией до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника. «Не ссориться, но вооружаться до зубов» — таким был основной принцип фракции правых перед началом Первой мировой войны.

Так же были настроены перед войной и члены правой группы Государственного совета. За несколько лет до войны, после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, военный министр и член правой группы Государственного совета А. Ф. Редигер утверждал, что Российская империя не готова к развязыванию какого-либо военного конфликта. Более того, на вопрос министра юстиции и одного из лидеров правых в верхней палате И. Г. Щегловитова, «способны ли наши вооруженные силы оградить страну от вторжения в ее пределы», Редигер категорически заявил: «наши вооруженные силы совершенно небоеспособны».¹¹¹ Наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. Этот опытный царский бюрократ в феврале 1914 г. представил на имя императора «Записку», пророческий характер которой неоднократно привлекал внимание историков. «...Если и вещал тогда предупреждающий голос, то именно из правых кругов, из рядов коих вышла <...> составленная в начале 1914 г. записка одного из твердых и, конечно, особо травимых правых — П. Н. Дурново, предсказывавшего, какие последствия для России будет иметь надвигающаяся война», — отмечал в эмиграции видный историк церкви, человек правых взглядов Н. Д. Тальберг.¹¹²

Содержание этого достаточно объемного документа хорошо отражено в заголовках разделов «Записки», видимо, данных ей уже при публикации в советской России: 1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав; 2. Трудно уловить

¹¹¹ Цит. по: *Райнах Р. Р.*, фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / Ред. и коммент. С. А. Маньков. СПб., 2007. С. 141.

¹¹² *Тальберг Н. Д.* Политическое предвидение // *Тальберг Н. Д.* Перед судом правды. Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая монархия. Русская смута / Сост. С. В. Фомина. М., 2004. Кн. 2. С. 344–345.

какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией; 3. Основные группировки в грядущей войне; 4. Главная тяжесть войны выпадет на долю России; 5. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются; 6. В области экономических интересов русские пользы и нужды не противостоят германским; 7. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы; 8. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон как сводящаяся к ослаблению монархического начала; 9. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть; 10. Германии, в случае поражения, предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России; 11. Мирному сожительству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Автор «Записки», предельно четко обозначив расстановку сил, предупреждал, что при начале военного конфликта, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой в случае вовлечения в него России на стороне Британии, приведет к тому, что ей придется выступить в роли оттягивающего пластыря. «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания», — предупреждал правый политик.¹¹³ Предвидя целый ряд осложнений в результате войны, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно».¹¹⁴

При этом Дурново указывал, что союз между Англией и Россией не открывает перед последней абсолютно никаких выгод, но сулит явные внешнеполитические проблемы. «Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении Англии — открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем

¹¹³ Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 187.

¹¹⁴ Там же. С. 188.

не Германия, закрывала нам выход из Черного моря», — справедливо замечал он.¹¹⁵

Анализируя далее притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств».¹¹⁶ Поэтому, считал лидер правых Государственного совета, ни труднодостижимая победа над Германией, ни тем более поражение от нее не сулили России никаких благ — ни во внутреннеполитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды).¹¹⁷

Вывод из «Записки» следовал такой: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последней Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией».¹¹⁸

¹¹⁵ Дурново П. Н. Записка. С. 190.

¹¹⁶ Там же. С. 189.

¹¹⁷ Позже издание русских монархистов-эмигрантов, входивших в правое русско-немецкое общество «Ауфбау» (членом правления которого, кстати, был один из бывших членов правой группы Государственного совета М. А. Таубе), констатировало: «...Принесло ли разрушение национальной Германии хотя бы тень облегчения нашей страдающей отчизне? — Повсеместные экономические кризисы, усиление национальной ненависти, борьбу классов, спекуляцию, упадок моральной культуры, крушение замыслов противобольшевистских вождей и гибель всего русского народа — вот что принесла собой победа антимонархического блока. Около одра смертельно больной России и пред лицом поверженной Германии нашим патриотическим долгом является прежде всего откровенное признание сделанных ошибок. Обе великие Империи тяжко расплатились за непредусмотрительные отклонения от традиционных дружественных отношений между обоими государствами. <...> Более чем столетняя дружба между русским и германским народами являлась залогом европейского равновесия, всеобщего мира и преуспеяния. Об этом благословенном времени мы, жалкие невольники лживой Лиги народов, пресловутых „санкций“, Парижской биржи, вольтов Ллойд-Джорджа, III Интернационала и океана демократической лжи, можем лишь мечтать, как о каком-то земном рае!» (Забывтое пророчество // Ауфбау (Восстановление). Сборник по вопросам хозяйственно-политической жизни Восточной Европы. Издание В: русское. 1921, ноябрь. № 4–5. С. 2).

¹¹⁸ Дурново П. Н. Записка. С. 199.

Вместе с тем Дурново указывал и на слабость российского либерализма, который в случае глубокого кризиса, вызванного грядущей войной, не сможет сдержать революционного выступления. Если самодержавной власти хватит воли пресечь оппозиционные выступления достаточно твердо, то, полагал консервативный аналитик, «при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится». Но если правительственная власть пойдет на уступки и попытается войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя это и звучит парадоксально, — писал он, — но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия».¹¹⁹

Говоря о неизбежности революционных выступлений в случае военных поражений, Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».¹²⁰

«Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких масс населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе...» — выражал уверенность лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново.¹²¹

¹¹⁹ Там же. С. 196.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 195–196.

Разделяли опасения Дурново и в думской фракции правых.¹²² С думской кафедры Н. Е. Марков столь же пророчески восклицал: «...В результате [войны. — *А. И.*] пострадают все, государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы...»¹²³ «Опасность <...> велика, демократическая волна растет, и она может смыть, господа, вместе с тем, не нравящимся, может быть, вам, правовым нашим строем и то, что нам и вам дорого, что и вам свято — величие нашей Родины <...> Опасность велика, и понять ее не могут только люди с помертвевшею душою, этикой биржевых зайцев, с кругозором писцов нотариального архива», — вторил Н. Е. Маркову председатель фракции А. Н. Хвостов.¹²⁴

Пророческий характер «Записки» П. Н. Дурново, ставшей широко известной уже в послереволюционное время,¹²⁵ даже породил иногда сомнения

¹²² Как справедливо отмечает Д. Макдональд, тезисы, изложенные в «Записке» П. Н. Дурново, не были уникальны, так как «точно к тому же в тот момент призывал целый „хор“ официальных правых», усматривавших «в политических обстоятельствах февраля 1914 г. не только необходимость, но и возможность переориентации российской политики». «Записка» же Дурново, по словам историка, была лишь наиболее внятным изложением взглядов, свойственных русским консерваторам накануне Первой мировой войны (*Макдональд Д.* Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 273, 285).

¹²³ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* 1) Н. Е. Марков и Совет министров... С. 199; 2) Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 177. Уже в эмиграции Н. Е. Марков резюмировал: «Война, начатая в 1914 году, была, конечно, величайшей исторической ошибкой, за которую Россия поплатилась всеми своими позднейшими бедствиями и падением государства». При этом, подчеркивал он, эта историческая ошибка была совершена «под тираническим давлением либерального общественного мнения» (*Марков Н. Е.* Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938. С. 22).

¹²⁴ Речь председателя фракции правых Гос. Думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г., при обсуждении сметы министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 6–7.

¹²⁵ Впервые «Записка» была опубликована германской газетой „Reichswart“ (*Durnowos Vorkriegsdenkschrift an den Zaren // Reichswart.* 1921. 2, 9, 16, 23. April) на немецком языке, после чего ее перепечатали другие немецкие и иностранные издания. Первая публикация «Записки» на русском языке была осуществлена в русско-немецком монархическом журнале «Ауфбау» (См.: Забытое пророчество. С. 2–10). В советской России полный текст документа впервые был опубликован журналом «Красная новь» (*Дурново П. Н.* Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 182–199). В примечании к публикации „Reichswart“ отмечала, что данная «Записка» сохранилась в нескольких экземплярах, один из которых находился в бумагах некоего русского министра, переведшего после революции этот документ на немецкий язык.

в ее подлинности.¹²⁶ Однако, как утверждала М. Ю. Бобринская (урожденная Трубецкая) в письме к А. И. Солженицыну, она читала эту записку еще до революции и потому может ручаться за ее достоверность.¹²⁷ Машинописная копия «Записки» (причем в дореволюционной орфографии) сохранилась среди бумаг патриарха Тихона,¹²⁸ датированных 1914–1918 гг. и несколько в ином виде — в фонде протоиерея Иоанна Восторгова, который также составляют документы до 1918 г.¹²⁹ Экземпляр «Записки» отложился в Бахметьевском архиве, в бумагах министра финансов П. Л. Барка.¹³⁰ О «Записке», поданной П. Н. Дурново императору 11 февраля 1914 г., сообщается в мемуарах бывшего товарища министра внутренних дел генерала П. Г. Курлова, вышедших в Берлине на немецком языке в 1920 г.,¹³¹ однако в русскоязычном издании это упоминание по непонятной причине отсутствует. По словам же директора департамента Министерства иностранных дел В. Б. Лопухина, хотя сам он «Записки» Дурново в руках не держал, но ее читал и пересказывал ему член Государственного совета, занимавший в 1916–1917 гг. пост министра иностранных дел, Н. Н. Покровский.¹³²

¹²⁶ Так, публицист левых взглядов Марк Алданов (Ландау), по словам Р. Р. фон Раупаха, писал о «Записке» П. Н. Дурново: «Когда читаешь эту „Записку“, то порою кажется, что имеешь дело с апокрифом». Алданову казалось совершенно невероятным, каким образом царский чиновник «мог так поразительно точно и уверенно предсказать события гигантского исторического масштаба». (См.: Раупах Р. Р., фон. *Facies Hieroglyphica* (Лик умирающего). С. 135). Между тем в «Ульмской ночи» М. Алданов уже не выражает никакого сомнения в подлинности «Записки»: «Политические предсказания хороши, когда они совершенно конкретны. Конкретно было предсказание, сделанное за несколько месяцев до Первой мировой войны бывшим министром Дурново, и я это предсказание считаю лучшим из всех мне известных, да и, прямо скажу, гениальным: он предсказал не только войну (что было бы нетрудно), но совершенно точно и подробно предсказал всю конфигурацию в ней больших и малых держав, предсказал ее ход, предсказал ее исход». (Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953. С. 275).

¹²⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. Е-68. Л. 6.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 2. Л. 227–237.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 108.

¹³⁰ Макдональд Д. Записка Дурново... Автор ссылается на: P. L. Bark Collection, Bakhmeteff Archive Columbia University. Как утверждает Д. Макдональд, данный экземпляр «Записки» является оригинальным, а номер, проставленный на документе, позволяет предположить, что он был разослан «не менее пятидесяти тщательно отобранным адресатам» (Там же. С. 271).

¹³¹ Kurlov P. G. Das Ende des Russischen Kaisertums. Berlin, 1920. S. 40. В статье Д. Макдональда указана другая дата — 14 февраля. См.: Макдональд Д. Записка Дурново... С. 271.

¹³² Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Под ред. С. В. Куликова. СПб., 2008. С. 233.

«В чем-чем, но в осведомленности и в уме Петру Николаевичу Дурново, при всех его отрицательных качествах, отказать было невозможно, — писал придерживавшийся либеральных взглядов В. Б. Лопухин. — И записка его заслуживала внимания. Высказывался опытный государственный человек, как никто другой уяснивший себе внутреннее положение России в ту пору <...>. Автор записки будто сумел предсказать события так, как они в действительности и разыгрались. Однако оправдавшемуся впоследствии пророчеству в то время веры придано не было».¹³³

Действительно, прогноз П. Н. Дурново, сбывшийся практически до мелочей, содержащий по одной из оценок предвидение ситуации «с фотографической точностью»,¹³⁴ не может не поражать. Советский историк Е. В. Тарле, в дореволюционные годы симпатизировавший кадетам, в своей статье, посвященной «Записке» Дурново, опубликованной в 1922 г., называл аналитику лидера правых Государственного совета «логически сильной попыткой» разрушить Антанту и избежать войны с Германией.¹³⁵ Будучи идейным противником Дурново, он тем не менее признавал, что «в интеллектуальном отношении отрицать за ним ум ни в каком случае не приходится», а саму «Записку» и высказанные в ней мысли — полными предвидения «необычайной силы и точности», «отмеченными печатью большой аналитической силы».¹³⁶

Назвав сочинение Дурново «лебединой песней консервативной школы»,¹³⁷ Тарле подметил в ней важный момент, который нередко ускользает от исследователей, обращающихся к этой «Записке». Историк совершенно справед-

¹³³ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 233.

¹³⁴ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 201. Цит. по: Бородин А. П. П. Н. Дурново... С. 67.

¹³⁵ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 164.

¹³⁶ Там же. С. 164, 175.

¹³⁷ Историк был убежден (и, на наш взгляд, совершенно обоснованно), что в предвоенное время в «недрах русского государства» боролись два течения: «одно, основанное на инстинкте самосохранения, другое, не учитывавшее веяний этого инстинкта, и поэтому гораздо более активное». Условно Тарле назвал первое из этих течений «консервативным», а второе — «националистическим» или «империалистическим». «Поверхностным наблюдателям, были ли это публицисты или историки, — все равно, — казалось часто, что эти течения совпадают. Но ничто не может быть грубее этой ошибки», — утверждал он (Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 161). Взгляды Дурново и его единомышленников историк относил к первому — охранительному течению, отмечая, что войны желали скорее «конституционно-настроенные круги» (Там же. С. 163).

ливо указывал на то, что «Записка» носит отнюдь не германофильский характер, ведь ни в одной ее строке ни слова не говорится о необходимости разрыва русско-французских отношений.¹³⁸ Отторжение у правого политика вызывает лишь сближение России и Англии, обрекающее Россию на конфликт с Германским рейхом. Вместе с тем, справедливо отмечал Тарле, Дурново ценил франко-русский союз, позволяющий достичь устойчивости европейского равновесия.

«Его (Дурново. — А. И.) проницательность почти во всем, что он говорит о вероятной группировке держав, бесспорна; сильна его критика, направленная против модных в 1914 году воплей против немецкого засилья; убедительны указания на ненужность и бесплодность для России возможной победы, на тяжкие экономические последствия войны при всяком исходе», — констатировал Тарле, нашедший лишь один важный просчет у правого политика — убежденность Дурново в том, что война с Россией не нужна и Германии.¹³⁹

В последнем наблюдении Тарле, действительно, было самое уязвимое место «Записки». Несмотря на уверенность русских правых в том, что российско-германское военное столкновение не нужно и Берлину, на практике дело обстояло иначе. Как отмечало в 1921 г. германское издание «Reichswart», «докладная записка показывает, что Дурново в то время имел ошибочные и неполные представления о положении дел в Европе. Также у него не было исчерпывающих данных о ситуации в Германии. Однако он приходит к совершенно правильным выводам и оказывается пророком».¹⁴⁰ Заметив далее, что П. Н. Дурново «и его друзья» относились «к тем русским, кто — помимо крайне правых в Думе и старой гвардии при дворе — считал необходимым тесное дружеское сотрудничество с Германией», немецкая газета констатировала: «К сожалению, и в Германии такая точка зрения была не популярна благодаря широкой и непрекращающейся еврейской пропаганде в кругах немецких либералов и социал-демократов».¹⁴¹

Строго теоретически Дурново, равно как и некоторые другие русские правые, был абсолютно прав в том, что война собственно против России

¹³⁸ В начале марта 1914 г. (т. е. практически одновременно с написанием «Записки» П. Н. Дурново, датированной февралем 1914 г.) в газетах появились слухи о возможности сближения Германии и Франции, в связи с чем ставился вопрос о возможности кардинальной перегруппировки европейских альянсов (Новое время. 1914. 5 (18) марта; Вечернее время. 1914. 5 (18) марта, 12 (25) марта).

¹³⁹ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 170.

¹⁴⁰ Durnowos Vorkriegsdenkschrift an den Zaren // Reichswart. 1921. 2. April.

¹⁴¹ Ibid.

была не нужна Германии, оценивая реальные последствия такого военного конфликта для рейха; но на практике именно Германия и стремилась к этой войне, развязав ее летом 1914 г. Ни в Германии, ни в Австро-Венгрии не оказалось аналитиков, равных П. Н. Дурново, которые могли бы на несколько шагов вперед адекватно просчитать последствия военного столкновения последних реальных монархий Европы.

В правых кругах Германии и Австро-Венгрии царили совсем другие настроения. Антиподом «Записки» Дурново можно в какой-то мере считать выпущенную в Австрии в марте 1914 г. брошюру «Gross-Habsburg, das Resultat des russisch-österreichischen Krieges 1918; mit 3 Karten» (Велико-Габсбург,¹⁴² результат русско-австрийской войны 1918 г., с 3 картами). В ней предсказывалось, что война Германии и Австро-Венгрии против России является неизбежной, что начнется она в 1918 г. и закончится полным разгромом Российской империи. По прогнозу автора этого опуса, война должна была продлиться не более четырех месяцев, а ее итогом стало бы отторжение от России Остзейского края, Финляндии, Польши, Волыни, Бессарабии, части Кавказа и Малороссии. Проанализировавший эту брошюру член правой группы Государственного совета и назвавший ее «бредом больного шовинистического настроения» протоиерей Т. И. Буткевич восклицал: «Не мечты ли это безумных?»¹⁴³

Как видим, русский правый политик смотрел на грядущий катаклизм куда более трезво. «Он (Дурново. — А. И.) твердо знал, что все эти дипломатические узоры вырисовываются на кратере, который все сожжет и зальет лавою, — писал Тарле, комментируя критику Дурново российской дипломатии, которая как будто бы была не прочь скрестить шпаги с Германией. — Он понимал, какое непозволительное, гибельное дело — прогуливаться со спичкою в пороховом погребе <...>, когда в своем завтрашнем дне нельзя быть уверенным. <...> То место, где он говорит о волнах движения, с которыми уже не справятся законодательные учреждения, живо напоминает слова Монтеня о том, что люди, начинающие и поднимающие бурю, никогда сами не пользуются ее результатами. Она именно их первых и сметет прочь. В афоризме французского скептика XVI-го века и в пророчестве русского реакционера XX-го века заложена одна и та же мысль».¹⁴⁴

«Дурново был черносотенцем и реакционером, — писал советский историк М. П. Павлович в предисловии к публикации этой „Записки“, — но, несомненно, в оценке характера будущей войны, роли в ней Антанты,

¹⁴² То есть Великая империя Габсбургов, Великая Австрия.

¹⁴³ Буткевич Т. Безумные мечтания австрийцев. Харьков, 1914. С. 10.

¹⁴⁴ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 176.

с одной стороны, России, с другой, в предвидении исхода войны, он обнаружил недюжинный ум и способность к правильному прогнозу. По сравнению с Дурново все светила нашей либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милюковы, Маклаковы, Керенские и др. <...> оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода».¹⁴⁵

Как справедливо отмечал другой историк — А. П. Бородин — стремление избежать войны во что бы то ни стало определяло как внешнеполитическую позицию самого П. Н. Дурново, так и большинства группы правых Государственного совета. Это, к примеру, нашло свое выражение еще весной 1909 г., когда правая группа Государственного совета выразила свое недовольство дипломатией А. П. Извольского, которая впутывала Россию в австро-сербские дела. Либерально-оппозиционные круги тогда были вынуждены с недоумением признать «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций».¹⁴⁶

Как замечает по этому поводу А. В. Шевцов, «не претендуя, в отличие от либералов и славянофилов, на создание славянской федерации и завоевание новых земель, крайне правые хотели навести порядок в собственном доме».¹⁴⁷ На это же обращает внимание и современный философ И. Яковенко. Справедливо отмечая, что свойственный либералам и националистам панславизм толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями (ибо других способов собрать славян, распределенных на пространствах, принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало), Яковенко констатирует, что «основания, послужившие поводом к началу войны, полностью укладываются в логику славянофильского мышления». Но, добавляет он, «в консервативной государственнической среде были свои критики славянофильского соблазна, предупреждавшие власть и общество об опасностях российско-германского противостояния». Среди них, помимо прочих, он называет П. Н. Дурново и Н. Е. Маркова, замечая, что «основания, из которых исходили эти деятели, различались в деталях, но совпадали в одном: то были аргументы рационального сознания. Однако голос здравых людей и честных государственников тонул в море радостного эсхатологического возбуждения».¹⁴⁸

¹⁴⁵ Павлович М. [Вступление] // Дурново П. Н. Записка... С. 182.

¹⁴⁶ См.: Бородин А. П. П. Н. Дурново... С. 65–66.

¹⁴⁷ Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 27.

¹⁴⁸ Яковенко И. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания // Нева. 2010. № 7. С. 109.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что вопросы внешней политики накануне Первой мировой войны волновали русских правых прежде всего с точки зрения влияния ее на внутривластную ситуацию, а если быть конкретнее — то на прочность русской самодержавной монархии. Как писал Е. В. Тарле, внешняя политика интересовала П. Н. Дурново «исключительно постольку, поскольку она могла либо поддержать, либо уничтожить русскую монархию».¹⁴⁹ Во многом соглашаясь с мнением известного ученого, отметим лишь, что нежелание русских правых ссориться с Германией основывалось не только на этом аспекте (хотя он и был, пожалуй, важнейшим). В целом ими учитывался комплекс следующих факторов: 1) устойчивость отношений между странами; 2) политическое соответствие государственного устройства; 3) экономический и военнополитический потенциал сотрудничества; 4) сферы пересечения геополитических интересов и возможность мирного разрешения спорных вопросов.¹⁵⁰

Поэтому правые, чувствуя возможность скорой войны с Германией, всячески советовали не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий. Во-первых, из-за недостаточной подготовленности России к войне, относительной слабости ее вооруженных сил и оборонительных укреплений. Во-вторых, предвидя ужасные последствия, к которым неизбежно привела бы война во всех сферах русской жизни. В-третьих, видя в Германии наиболее близкое по духу царской России монархическое государство в Европе. Поэтому-то правые и цеплялись за шаткие надежды предотвращения войны и возможность мирного сосуществования с кайзеровской Германией, в отличие от либералов, настойчиво советовавших правительству ориентироваться на либерально-демократические страны Антанты.

§2. Правый спектр Государственной думы и Государственного совета в начальный период войны (1914 — первая половина 1915 г.)

19 июля (1 августа) 1914 г. германский посол Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны. На следующий день, 20 июля, император Николай II заявил о том, что мира не

¹⁴⁹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. // Тарле Е. В. Сочинения в 12-ти томах. М., 1958. Т. 5. С. 267.

¹⁵⁰ Подробнее см.: Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 18–20.

подпишет, «пока последний неприятельский солдат не уйдет с земли нашей».¹⁵¹ В тот же день был опубликован манифест царя с призывом к единению и оставлению в грозный час всех внутренних распрей. В именном высочайшем указе Правительствующему Сенату государь «ввиду ниспосланных отечеству нашему испытаний, желая быть в полном единении с народом», признал за благо созвать Государственный совет и Государственную думу.¹⁵² Днем 26 июля император принял в Николаевском зале Зимнего Дворца депутацию членов Государственного совета и Государственной думы и обратился к ним с призывом выступить в единении с царем для защиты Отечества. Император благодарил собравшихся за патриотические чувства, после чего члены обеих палат пропели молитву «Спаси, Господи, люди Твоя». «У многих на глазах были слезы, все были взволнованы, у всех был радостный подъем духа», — вспоминал член левой группы Государственного совета Д. И. Багалея.¹⁵³

Вечером 26 июля 1914 г. открылась однодневная чрезвычайная сессия обеих законодательных палат. Заседания начались с выслушивания высочайшего манифеста об объявлении войны и торжественных молебнов с коленопреклонением о даровании России победы. (В Государственном совете молебен был совершен причтом церкви Мариинского дворца, а в Думе его отслужил представитель фракции правых епископ Анатолий (Каменский) вместе с депутатами-священниками.) По окончании молебнов члены Государственного совета и депутаты приступили к заседаниям.¹⁵⁴

Как отмечали очевидцы этих событий, кворум был небывалый, единение законодательной и исторической власти было полным. Дума несколько раз вставала, как один человек, с громогласным «ура!» во здравие императора. «Аплодируют все, от Н. Е. Маркова 2-го до П. Н. Милюкова <...> В этот исторический момент нет деления на правых и левых».¹⁵⁵ Император отметил подъем патриотических чувств, который «подобно урагану пронесся по нашей земле и служит ручательством победы в войне, ниспосланной Богом».¹⁵⁶ Председатель правительства И. Л. Горемыкин призвал

¹⁵¹ Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской Империи. 1906–1917 гг. М., 1998. С. 497.

¹⁵² Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Стб. 1; За что воюет Россия? Знаменательное историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г. М., 1914. С. 6.

¹⁵³ *Багалея Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. С. 13.

¹⁵⁴ Заседание Государственной думы началось в 15:40, а Государственного совета — позже, в 21:45.

¹⁵⁵ *Багалея Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. С. 13.

¹⁵⁶ *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской Империи. С. 497.

всех, без различия партий и направлений, сплотиться вокруг единого знамени, на котором начертаны «величайшие для всех слова „Государь и Россия“».¹⁵⁷

Призыв правительства был встречен дружной овацией и поддержан в выступлениях руководителей фракций, которые определили свое отношение к переживаемому историческому моменту. Почти всецелое единение проявилось и тут, за исключением фракции социал-демократов, резко осудивших войну. От фракции правых прозвучала пламенная речь Н. Е. Маркова, который от себя лично и «от лица всего русского народа» выразил армии и флоту чувство безграничной веры и уважения.¹⁵⁸

Единение было невиданным, даже кадеты выступили сторонниками прекращения споров и защитниками Европы и славянства от немецкой угрозы, хотя именно они в апреле — мае 1914 г. настаивали на полном отклонении бюджета как чрезвычайно милитаризованного.¹⁵⁹ Колумнист «Нового времени» М. О. Меньшиков писал: «Левые (за исключением социал-демократов. — *А. И.*) так же единодушно кричали „ура“, рукоплескали патриотическим девизам, восторженно пели „Боже, Царя храни“, — как Пуришкевич и Марков».¹⁶⁰ Рупор правых газета «Земщина» сообщала на следующий день: «Никогда еще древние стены Таврического дворца не видели ничего подобного. Это был истинный праздник русского патриотизма, это была грандиозная, захватывающая картина полного единения правительства и представителей народа в минуту грозной государственной опасности, заставившей забыть домашние разногласия и распри».¹⁶¹

Действительно, картина думского заседания была впечатляющей: «Вместо прежней угрюмой отчужденности, недоверчивости — злобного отношения одних групп к другим, взаимного непонимания — искренний, единодушный и горячий патриотический подъем, — писал депутат-прогрессист, князь С. П. Мансырев. — Ни одной фальшивой ноты в речах, всеобщие аплодисменты выступавшим ораторам, горячая готовность всех рука об руку добиваться победы и служить родине».¹⁶² Как отмечал член Государственного

¹⁵⁷ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской Империи. С. 497.

¹⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 363, 383 об.; Вестник СРН. 1914. 14 августа, 27 сентября; 2-ая Отечественная война... С. 27.

¹⁵⁹ Правда, уже в 1916 г. лидер кадетов П. Н. Милюков указывал, что его фракция «отнодь не изменяет своего отношения к вопросам внутренней политики, а лишь отсрочивает парламентскую борьбу <...> пока не будет отражена общая опасность» // Милюков П. Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. Пг., 1916. С. 6.

¹⁶⁰ Цит. по: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 344.

¹⁶¹ Земщина. 1914. 27 июля.

¹⁶² Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917). Т. 2. С. 5.

совета Д. И. Багалей, все были настолько вдохновлены царившим в Думе единением, что даже возникла идея отпечатать думские выступления этого исторического дня тиражом в 1 млн экземпляров для самого широкого распространения в обществе.¹⁶³

Для выражения царивших в Думе чувств характерно поведение крайне правого депутата В. М. Пуришкевича. Желая показать обществу, что с началом войны для него перестали существовать партийные различия и счеты, стремясь поддержать объявленное «священное единение», Пуришкевич пошел на примирение со своими оппонентами. Бывший единомышленник, а затем политический соперник Пуришкевича, националист В. В. Шульгин вспоминал о встрече с ним в поезде по пути на экстренное заседание Государственной думы, посвященное разразившейся войне: «С Владимиром Митрофановичем мы давно были в серьезной размолвке, то есть попросту не кланялись. Причина безразлична, но это была острая размолвка. Когда я увидел его в конце коридора вагона, я не знал, что будет. Но я понял очень многое, когда он вдруг просто побежал ко мне с протянутой рукой и сказал: „Шульгин, война все смывает. Забудем прошлое!“ Я пожал ему руку и дальше мы поцеловались в знак примирения».¹⁶⁴

Но значительно больший общественный резонанс имело примирение Пуришкевича с лидером кадетской партии Милюковым. Их противостояние было хорошо известно: в течение семи лет они демонстративно не замечали друг друга и при неизбежных встречах в Думе не подавали друг другу руки (что по этикету тех лет грозило чуть ли не вызовом к барьеру). Но в условиях начавшейся войны, всеобщего единодушия и патриотического подъема Пуришкевич попросил депутата-октябриста М. Д. Калугина «познакомить», т. е. официально представить его депутату Милюкову, которого еще не так давно награждал весьма резкими эпитетами.¹⁶⁵ Недавние

¹⁶³ Багалей Д. И. Исторический день 26 июля 1914 г. С. 4.

¹⁶⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002. С. 236–237.

¹⁶⁵ «...Милюков — это накипь русской жизни, это муть ее, имя коего давно стало бранным словом в России, синонимом духовной проституции, измены Отечеству и рабского подчинения воле еврейского кагала», — писал, к примеру, В. М. Пуришкевич о своем оппоненте в 1909 г. (*Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы. Статья из германской «Kreuz Zeitung» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 5; Правые партии. Т. 1. С. 448*). В III Думе, «обидевшись» на Милюкова за то, что последний назвал его «истинно русским бессарабским депутатом», Пуришкевич выпалил: «Я теперь тебе, Пашка, ноги не подам». См.: *Алексеева И. В. Оппозиция Его Величества... С. 115. Среди эпитетов, которыми «награждал» Милюкова Пуришкевич, — «выборгская лягушка», «шулер слова», «скотина» и «сволочь».*

непримиримые враги церемонно представились друг другу и обменялись рукопожатием.¹⁶⁶

В литературе советского периода это рукопожатие воспринималось как весьма символичное, так как, по мнению советского историка А. Я. Авреха, «вся последующая деятельность кадетов прошла под знаком этого рукопожатия»,¹⁶⁷ т. е. кадеты стали «приветствовать» и сближаться с «реакционерами-черносотенцами». Однако, на наш взгляд, это было не более чем демонстрацией, произошедшей по инициативе импульсивного Пуришкевича, которая была вызвана порывом единения полярных политических сил перед лицом внешней опасности. Ведь, как утверждало ультраправое «Русское знамя», руку Милюкову в эти дни протянул и другой вождь фракции правых — Н. Е. Марков, заверивший кадетского лидера в том, что он «не против народного представительства».¹⁶⁸

А по замечанию поэтессы З. Н. Гиппиус, внимательно следившей за политическими событиями, столь впечатлившее многих рукопожатие двух политических антиподов — Пуришкевича и Милюкова — объяснялось, прежде всего, нависшей над Россией внешней угрозой. «Волки и овцы строятся в один ряд, нашли третьего, кого есть», — отметила она в своем дневнике.¹⁶⁹

Но если даже рассматривать это рукопожатие как некий симптом последующей деятельности Милюкова и Пуришкевича, то в большей мере прав другой исследователь, В. В. Кожин, считающий, что, напротив, вся последующая деятельность Пуришкевича «прошла под знаком этого рукопожатия», так как «полевение» Владимира Митрофановича было куда заметнее якобы «поправения» Милюкова.¹⁷⁰

Аналогичная картина наблюдалась и в Государственном совете. От правой группы верхней палаты выступили архиепископ Арсений (Стадницкий) и князь Д. П. Голицын-Муравлин. Владыка в своей речи выразил надежду, что в наступившей войне «русский народ не посрамится», и призвал высокое собрание смотреть на наступившее испытание с религиозной точки

¹⁶⁶ Пуришкевич выдерживал эту линию и дальше. По случаю гибели на фронте поручика С. П. Милюкова, сына лидера кадетской партии, Пуришкевич отправил телеграмму следующего содержания: «Примите, глубокоуважаемый Павел Николаевич, соболезнования по поводу кончины на поле брани Вашего героя сына. Тяжелые дни, незаменимые жертвы, но да будут они залогом нашего духовного воскрешения» (Новое время. 1915. 25 июля (7 августа)).

¹⁶⁷ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 11.

¹⁶⁸ Русское знамя. 1914. 23 августа.

¹⁶⁹ Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. Белград, 1929. С. 12.

¹⁷⁰ Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция. С. 72.

зрения. «На эту войну надо смотреть, как на священный Крестовый поход», и помнить, что «в этом споре мы правы», поскольку «мы не желали этой войны», — подчеркнул архиепископ Арсений.¹⁷¹ Назвав царя «печальником Русской земли», архиепископ закончил свою яркую и образную речь следующими словами: «Мысль царя — мысль всей России, желание царя — желание всего русского народа, сердце царево в руке Божией. Призыв царя — его святой закон, которому мы должны беспрекословно повиноваться. В этом единении царя с народом — залог славы и благополучия, к которому он ведет великую Россию».¹⁷² Призыв владыки защищать «прадедовское достояние, честь и достоинство родины», выраженный с большим подъемом, по оценке газет, произвел на всех сильное впечатление.¹⁷³

Развил патриотическую и верноподданническую речь владыки видный член правой группы, известный в свое время литератор, князь Голицын-Муравлин. Князь поспешил выразить мысль, что начало войны с Германией логически завершает «великое обрусение» страны и бояться за исход противостояния не приходится: «Победа будет наша с царем и за царя. Может быть, — говорил он, — путь к победе окажется затруднительным, но этот путь будет пройден до конца».¹⁷⁴

Практически ничем не отличались и речи представителей других групп Государственного совета — А. Б. Нейдгарта, Д. Д. Гримма, А. Э. Мейштовича, барона А. А. Пилар-фон-Пильхау. После чего все члены Госсовета единогласно выразили готовность к единению и чувства верности царю.¹⁷⁵ Рассмотрев одобренные ранее Государственной думой законопроекты, призванные усилить государственную казну и по военным нуждам, члены Госсовета после многократного «ура!» императору разошлись. Как отмечало «Новое время», хотя в Государственном совете не принято аплодировать, но в этот день в «верхней палате» не смолкали долгие шумные аплодисменты.¹⁷⁶

¹⁷¹ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Стб. 5.

¹⁷² Там же. Стб. 6.

¹⁷³ Новое время. 1914. 27 июля (9 августа).

¹⁷⁴ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Стб. 7–8.

¹⁷⁵ Там же. Стб. 9–10.

¹⁷⁶ Новое время. 1914. 27 июля (9 августа). Такая бурная реакция, действительно, была весьма нехарактерна для верхней палаты и объяснялась лишь необычным подъемом, вызванным чрезвычайными обстоятельствами. «Все располагало сановных старцев к легкой дремоте. Но, за малыми исключениями, они всегда были налицо. <...> Бурные пылкие речи были здесь немыслимы. Они произвели бы на Высокое собрание самое отрицательное впечатление. Это испытал на себе бывший курский губернатор, неукротимый, полный молодого задора Муратов. <...> Только что назначенный в Государственный совет он в одном из первых же его заседаний выступил по какому-то, связанному

Такое же настроение, вызванное первыми неделями войны, наблюдается и в частной переписке представителей правых групп Думы и Совета. «Какие события! — писал один из старожилов правой группы Государственного совета граф С. Д. Шереметев помощнику петроградского градоначальника по гражданской части В. В. Лысогорскому. — Радуюсь одному, что не наш почин, а рехнувшегося кесаря.¹⁷⁷ Дорезвиться до мировой войны — вот торжество из торжеств».¹⁷⁸ А в письме своему коллеге по правой группе Н. А. Звереву граф развивал свою мысль дальше: «Ничего нет общего между этой войной и японской, и настроения различны, как день и ночь». Отмечая, что германский кайзер — «припадочный безумец», Шереметев радовался тому, что для России наступил «светлый и отрадный час — исполнения вековых желаний, вековых надежд». «Созвездия, видимо, нам благоприятствуют, — полагал граф, — и лишь бы ими воспользоваться».¹⁷⁹ А в том, что это именно так, убеждали графа следующие обстоятельства: «Воодушевление всюду громадное, притом сосредоточенное и достойное, с осознанием своего долга перед Родиной. <...> Расчет на наше внутреннее разьединение не удался, все радостно идут на боевую смерть».¹⁸⁰

с внутренней политикой вопросу с горячей архиправой речью митингового характера. В результате полный провал. Даже обыкновенно сдержанные, корректные маститые старцы правого крыла не смогли удержаться во время муратовской речи от знаков сановного нетерпения и негодования. Нет... Здесь культивировалось красноречие иное: серьезно-деловитое, мягко-бархатное, в слегка приглушенных тонах», — вспоминал член Государственного совета П. П. Менделеев (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 95). Об этом же свидетельствовал и член Совета А. Н. Наумов, отмечавший, что в верхней палате никогда не бывало бурных сцен. Если какой-либо оратор вызывал осуждение части членов Совета, то они просто вставали со своих мест и выходили в кулуары; если же речь нравилась, то «„благопристойная“ обстановка „Высокого Собрания“ опять-таки ничем не нарушалась, лишь изредка раздавался в стенах величавой залы одобрительный гул голосов, сдержанно бормотавших: „браво, браво“... конечно, без всяких аплодисментов. Отдельных замечаний „с мест“, тем более выкриков, наподобие „думских“, не бывало» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 163–164).

¹⁷⁷ «Вильгельм играет ва-банк, и для него нет ничего святого. Признаюсь, я не считал его способным на такую отчаянную и неразумную выходку — как объявить войну всему миру и притом разорвать завещанные ему делом традиции. Сдается мне, что он просто рехнулся», — писал С. Д. Шереметев Н. А. Звереву (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1311). Этой же темы он коснулся и в письме к барону Шиллингу: «Не думаете ли вы, что Вильгельм, взявший на себя лично почин кровопролития и мечтающий о владычестве над миром, в действительности рехнулся, и что Германия нуждается в психиатре для своего кесаря...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 991. Л. 1047).

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 983.

¹⁷⁹ Там же. Д. 994. Л. 1311.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 991. Л. 1047. Между тем корреспондент С. Д. Шереметева, шталмейстер Н. С. Нечаев-Мальцов советовал графу не доверяться лозунгу

В. И. Гурко вспоминал, как после приема императором членов законодательных палат в Зимнем дворце видный член правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов, «со свойственной ему манерой вводить шутку во всякий серьезный вопрос, с улыбкой говорил: „Ошибся Василий Федорович (т. е. император Вильгельм), ошибся. Не устоять ему“».¹⁸¹

Так же считал и Н. А. Зверев, не без удовлетворения отмечавший, что «Россия встретила сумасшедший вызов Германии спокойно, как будто почувствовала даже некоторое облегчение: наконец-то, невольно думается, минует страшный кошмар бесконечных вооружений и непрестанных угроз мирному течению жизни, и Европа заживет спокойно, избавившись от постоянно поднятого над нею бронированного кулака. В душе живет неистребимая уверенность, что дни воинствующей Германии сочтены, что она выйдет из безумно начатой борьбы раздавленной, сокращенной и униженной. Да и как может быть иначе, когда против нее почти все. Россия начала нынешнюю войну при таких благоприятных условиях, при каких она, кажется, никогда еще не воевала».¹⁸² Единственное, что тревожило тогда члена правой группы Государственного совета, так это то, что правительство выдает «чересчур много векселей, расплата по которым будет тяжела».

«Война началась. Насколько помню, никто не отдавал себе ясного отчета ни в ее продолжительности, ни в тех жертвах, которые она потребует. Господствовало мнение, что при современном состоянии военной техники война не может затянуться надолго. А присоединение Англии к России и Франции рассматривалось как весьма благоприятное событие: на первых порах устранялось опасение немедленного появления немецкого флота в Балтийском море», — вспоминал об этих днях бывший член группы правых, а затем правого центра В. М. Андреевский.¹⁸³

Единый дружный порыв патриотических чувств, проявленный в первые дни войны практически всеми политическими объединениями Думы

«священного единения» и патриотическим речам со стороны либеральной оппозиции. «Война эта, вместо отрезвления от либеральных бредней, будет иметь для нас последствия совершенно противоположные. Левые очень хорошо это сознают; поэтому-то они и возгорелись столь несвойственным им патриотизмом; а правые простаки любят эту метаморфозой, считая ее чистосердечной, и указывают с восхищением на совершившееся под влиянием войны чудо. Они потом увидят это чудо! А пока всякая дрянь лезет под покровом войны вперед; сначала к ним попривыкнут, а потом, при столь известном у нас „умении“ разбираться в людях, найдут их годными и на более высокие должности», — писал он уже 17 декабря 1914 г. (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2552. Л. 60–61).

¹⁸¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 650.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1236; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5122. Л. 167.

¹⁸³ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания.

и Совета, настолько впечатлил Н. А. Зверева, что в письме к С. Д. Шереметеву он, желая, чтобы «священное единение» с недавними политическими противниками сохранялось как можно дольше, допускал даже возможность корректировки прежнего курса правых. «Во всяком случае, — замечал он, — уже теперь совершенно ясно, что правые группы Совета и Думы, силою вещей будут вынуждены пересматривать свою полит[ическую] программу и во многом изменять ее».¹⁸⁴ Впрочем, Шереметев воспринял это предложение без восторга. «Не вижу необходимости совещания ради новой ориентации, — вразумлял он своего соратника. — Я, во всяком случае, не двинусь ни на йоту. С исторической почвы безнаказанно не сойдешь и временные увлечения нам не указ».¹⁸⁵

Между тем «священное единение», преподнесенное правительству добровольно, возможно, даже вопреки его опасениям, продолжалось недолго. Заседание 26 июля было единственным, и по проекту министра внутренних дел Н. А. Маклакова, Государственная дума (в отличие от Государственного совета, который должен был собраться не позднее 1 февраля 1915 г.) распускалась до осени 1915 г., т. е. перерыв должен был продолжаться больше года, что не только показалось оскорбительным большинству депутатов, но и являлось нарушением Основных законов Российской империи. Как бы подчеркивая единодушие Думы, с нотой протеста одновременно выступили как либерал П. Н. Милюков, так и правый депутат А. Н. Хвостов, и правительство пошло на уступку. Созыв Государственной думы также был определен «не позднее февраля 1915 г.»

Следует отметить, что правые в целом с пониманием относились к перерывам в деятельности Думы. На все заявления своих политических противников, требовавших скорейшего созыва Думы всякий раз, когда ее занятия прерывались, и ссылавшихся при этом на недовольство народа создавшимся положением, правые отвечали, что народ в гораздо большей степени волнуется неудачи и успехи русской армии, нежели очередной созыв Думы, который его мало занимает.¹⁸⁶ Для правого крыла Думы и Совета примирение с оппозицией, желающей разрушить существующий уклад, иначе как на собственных условиях было немыслимо, а политическая борьба во время войны — нежелательна. Поэтому, чем реже будет собираться Дума, считали правые, тем легче будет выдерживать политику «священного единения». По мнению правого депутата Г. Г. Замысловского, высказанному на заседании бюджетной комиссии, и, по-видимому, отражавшему

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1236.

¹⁸⁵ Там же. Д. 994. Л. 1311.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 172 об.–173.

фракционную точку зрения, Государственная дума «призвана к тому, чтобы работать в мирное время. В военное время задача законодательных учреждений — создать подъем духа во всем населении, и это дороже критики».¹⁸⁷

Вместе с тем представители парламентских объединений правых не считали уместным требовать от власти полного прекращения работы законодательных учреждений. «С самого начала агитации о скорейшем созыве законодательных учреждений я признавал такой созыв не только бесполезным, но и безусловно вредным в политическом отношении, но ввиду военного времени считал невозможным мешать правительству выпутываться из неприятного и опасного положения так, как оно признает наиболее целесообразным», — писал руководитель правой группы Государственного совета П. Н. Дурново своему соратнику по группе А. А. Нарышкину.¹⁸⁸

Заседания Государственного совета возобновились 17 января, а Государственной думы — 27 января 1915 г., и продолжались у обеих палат до 30 января. Как и для первой экстренной «военной сессии», для обеих «палат» в этот период было характерно проявление пламенного патриотизма. «Какой удивительный подъем был на первом заседании Государственной думы. Никак нельзя было ожидать ничего подобного со стороны леваков типа Милюкова. Одни только с.-д. и трудовики остались верны себе и пускали ложку дегтя в бочку меда», — отмечал в письме к графу С. Д. Шереметеву А. К. Варженевский.¹⁸⁹ Несколько менее ярко открылась сессия Государственного совета: вслед за патриотическими речами председательствующего И. Я. Голубева и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина «раздалось весьма скромное „ура“ и затем приступлено было к государственным занятиям».¹⁹⁰

В эту короткую сессию, проходившую «при отзвуках военной бури», правые члены Государственного совета в целом ограничились патриотическими речами. Исключение составили лишь князя А. Н. Лобанов-Ростовский и Д. П. Голицын-Муравлин, выступившие на тему «немецкого засилья», и Д. Д. Левшин, поднявший проблему сухого закона и военного налога.

При этом правыми широко использовался хорошо отработанный пропагандистский прием по формированию образа врага русского народа, которым, в силу исторического момента, оказывался немец. Так, по мнению

¹⁸⁷ Цит. по: Вестник Европы. 1915. № 2. С. 340.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 333.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5125. Л. 138–138 об.

¹⁹⁰ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 277.

Д. Д. Левшина, Германия всегда была врагом России, который «под личиною дружбы целые десятилетия, а может быть, и столетия ковал меч против нее».¹⁹¹ А. Н. Лобанов-Ростовский, обратив внимание Государственного совета на то, что российские немцы, обладающие двойным подданством, имеют право быть полноправными собственниками движимых и недвижимых имуществ в России, но при этом их отличает «враждебная обособленность» от русского народа, приведшая во время войны к созданию ими широкой сети шпионских организаций, призвал ограничить в правах германских и австро-венгерских подданных.¹⁹²

По словам же Голицына-Муравлина, развившего мысль своего политического единомышленника, германец «не знает и никогда не знал мирного времени, ибо всегда, постоянно и неуклонно вел работу против нас, до русской собственности жадный и к русскому духу враждебный искони».¹⁹³ «Русская торговля, русская промышленность, русская мысль, русский быт жаждут избавления от немецкого гнета. <...> Русское достоинство — для русских подданных, для сынов России, а не для врагов Его Императорского Величества и нашей родины, не для ненавистников русского духа», — патетически восклицал князь.¹⁹⁴ Даже исконные столкновения с «братьями-поляками» казались ему искусственными и вызванными немецкими интригами. Но, как указывал далее правый политик, разразившаяся с германцами война позволяет русскому народу сделать то, что раньше было для него невозможным, — избавиться от «немецкого засилья». «Будет мир и необходимое будет затруднительно, — предупреждал он. — В обсуждаемом нами вопросе избави Бог нас от благодушия, от благодушия за счет русской земли!» Но не только немцев обвинял князь. Закончил он свою речь призывом к русскому народу извлечь урок из сложившейся к началу войны ситуации и укрепляться в национальном самосознании: «Русским людям надо спокойно сознать, что главная опасность лежит в нас самих, русских людях, что работе по обрусению инородных (так в тексте. — А. И.) должна предшествовать работа по самообрусению, по восстановлению России в России, по выпрямлению русских путей, по освобождению русского труда от германских пут, по очищению русской мысли от постороннего налета».¹⁹⁵

К критике германизма Голицын-Муравлин возвращался и на других заседаниях Государственного совета. Выступая перед членами Совета

¹⁹¹ Государственный совет. Стенографический отчет. 1915 г. Сессия X. Стб. 94.

¹⁹² Там же. Стб. 66–67.

¹⁹³ Там же. Стб. 70.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 70–71.

30 января 1915 г., князь-писатель не смог удержаться от образного пассажа, которым охарактеризовал суть русско-германского конфликта: «Илья Муромец отражает Зигфрида». «Если правда, что сказочный мир каждого народа выражает его стихийную сущность, — замечал Голицын-Муравлин, — то с радостью отметим, что наша стихия сильнее Нибелунговой, воспевающей предательство и злобу».¹⁹⁶

На необходимость извлечь из начавшейся войны урок указывал и другой видный член правой группы Государственного совета — архиепископ Никон (Рождественский). Охарактеризовав начавшуюся войну как «свершившийся суд Божий над народами земли», владыка далее указывал на грехи как немецкого, так и русского народа, за которые, по его мнению, эта война и была ниспослана. «Немцы согрешили гордынею, — грехом сатаны. Много согрешили и мы перед Богом, — заметил он. — Бога забыли, от Церкви отвращаются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество».¹⁹⁷ Правда, отмечал далее архиепископ, основной грех немецкого народа оказался нам чуждым. Если немцы были, по его словам, виноваты в том, что «в гордыни своей вознеслись превыше облак небесных»,¹⁹⁸ то «русскому народу чужда национальная гордыня». «Для русского человека и немец, и француз, и всякий другой иноходец, даже и некрещеный еврей, татарин и даже язычник — все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды не следует — грешно, не по Божьи».¹⁹⁹ А так как одолеть гордыню можно только смирением, писал далее владыка, то русскому народу необходимо смириться, покаяться в прежних грехах и тогда придет к нему Божие благословение, и он одолеет германцев. «Грянул гром, и мы ограждаем себя крестным знаменем <...> Бог посылает народу великий крестonosный подвиг, полагать душу свою за страждущих братий по вере и по крови. Подвиг очистит и обновит народ. Это — общий нравственный закон. Народ чувством сердца понимает это <...>. Дал бы Бог, чтобы поняли наши передовые люди великий смысл грядущего подвига!»²⁰⁰ Но чем дольше шла война, чем больше

¹⁹⁶ Там же. Стб. 118.

¹⁹⁷ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 119.

¹⁹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹⁹ Там же. С. 122.

²⁰⁰ Там же. С. 119. И на первых порах народ как будто бы услышал владыку. «Вспомнили Бога, всюду на устах была крепкая вера в Его милость, любовь к Батюшке-Царю, горячее желание постоять за Святую Родину. <...> Россия переродилась — храмы переполнились молящимися. Началось как бы покаяние за разгульную, безбожную жизнь. Многие войну объяснили гневом Божиим на народ, начинавший отпадать от веры

немцы проявляли себя в ней, тем резче становились отзывы архиеерея о германцах. Немец, писал он уже в 1915 г., «это — настоящий потомок древних гуннов, бессердечный, бесчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей. <...> Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нее, как от крепкого вина. Если еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить...».²⁰¹

Свой отзыв о немцах оставил и другой член правой группы Государственного совета, граф С. А. Толь, которого начало войны застало на немецком курорте, где он лечил сердце. Оказавшись невольным пленником обстоятельств (немцы долго не выпускали графа в Россию), Толь возмущался в своих воспоминаниях об этих днях «тупым высокомерием самоуверенных тевтонов» и проявлениям русофобии со стороны немецких масс, описав, в частности, разгром ими отеля «Russischer Hof», в котором, по мнению толпы, жили «виноватые в войне» русские.²⁰² В сходной ситуации оказался и другой член правой группы — П. П. Кобылинский, находившийся на момент объявления войны на отдыхе в Германии и арестованный немецкими властями на непродолжительное время. «То, что я пережил в дороге, надолго сохранится в моей памяти, — рассказывал правый политик журналистам. — Я никогда не мог бы допустить, что немцы способны на такие ужасные поступки. Одно могу сказать, в Германии сейчас русским нет житья. Надо видеть, как жестоко немцы издеваются над женщинами и малолетними детьми, чтобы понять, с каким врагом мы имеем дело».²⁰³

Аналогичными были выступления правых и в Государственной думе. Первое ее заседание в новую сессию вновь вылилось в историческую манифестацию, как и в первые дни войны. Председатель фракции правых, профессор С. В. Левашев прокомментировал успехи германцев и австрийцев следствием «русского миролюбия и русской кротости», которую необходимо преодолеть для победы над неприятелем. «Полуторавековое сожительство

православной», — отмечал другой член правой группы Государственного совета А. И. Мосолов. (Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова [Пг., 1915]. С. 3.)

²⁰¹ *Никон (Рождественский), архиеп.* Мои дневники. Вып. VII. 1915. Сергиев Посад, 1916. С. 148.

²⁰² *Толь С. А.* Подневольное житье в стране культурного народа. Воспоминания о германском плене. Пг., 1917. С. 56. При этом заметим, что после революции граф Толь эмигрировал все же в Германию (см.: *Шилов Д. Н.* Толь С. А. // Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 276).

²⁰³ Биржевые ведомости. 1914. 30 июля.

его (русского народа. — *А. И.*) с немцами показало ему воочию чрезвычайно непривлекательные и очень часто прямо отталкивающие национальные особенности их: непомерный, чудовищный эгоизм, тупое высокомерие, презрительную отчужденность от народа-хозяина, с постоянным старанием всячески держать народ-хозяина на самой низкой степени развития и существования, чтобы его легче было эксплуатировать».²⁰⁴

Таким образом, правые в очередной раз вернулись к политике подчеркивания такого фактора, как национальная принадлежность «врага русского народа», стараясь разжечь в народном сознании чувство глубокой неприязни к немцам как к нации. Как и в случае с евреями, определенный акцент делался на религиозный аспект. Если в еврейском вопросе правые в первую очередь подчеркивали свой «антииудаизм», т. е. делали акцент не столько на национальности, сколько на враждебной христианству конфессии, то и в нападках на нового противника они не преминули отыскать религиозную подоплеку. Германская идеология, просвещали правые ораторы с кафедры Государственной думы, существовала в России более 150 лет, «производя всевозможные подкопы под наши самые основные, составляющие нашу историческую силу устои <...>, насаждая здесь баптизм и штунду...».²⁰⁵ Более того, Н. Е. Марков, отсылая к философии Ф. Ницше, заявлял, что: «в образе тевтонов на нас обрушилось нашествие скипищ рабов ветхозаветной морали, людей, которые живут идеалами 2000 лет до нашего времени. Мы видим людей, которые говорят: человек — это германец, человечество — это германский народ, все остальные народы — или вьючный скот для германцев, или зверье, подлежащее истреблению. „Падающего толкни“: вот философия истинного германизма».²⁰⁶ Сходного мнения придерживался и член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). В своих публичных дневниках-проповедях он рассуждал: «В его (немца. — *А. И.*) глазах только его соплеменники — люди, остальное человечество — что-то вроде животных, коими он может пользоваться как бессловесную тварью. Тут обнаруживается что-то сродное с иудейским талмудическим мировоззрением».²⁰⁷ «Настоящая война — не простая война двух народов-соседей, не поладивших между собою; не честный бой борцов, уважающих достоинство человеческое:

²⁰⁴ Государственная дума. Сөзүв IV. Сессия III. Стб. 65–67.

²⁰⁵ Там же. Стб. 65.

²⁰⁶ Там же. Стб. 127; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 555 об.; Вестник СРН. 1915. 7 февраля; Новое время. 1915. 29 января (4 февраля).

²⁰⁷ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 7. 1915. Сергиев Посад, 1916. С. 148.

это — сатанинский замысел бессовестного, потерявшего облик человеческого выродка рода человеческого против благородных народов христианских», — развивал владыка свой взгляд на немцев в статье «Адский замысел».²⁰⁸

Любопытно, что в своем мистическом взгляде на войну правые во многом совпали с выдающимся русским философом В. В. Розановым, который рассматривал Первую мировую войну как столкновение «святого и человеческого православия» с «нехристианским» лютеранством.²⁰⁹

Более того, пересматривая свою идеологию по отношению к Германии, правые предприняли попытку объединения в одном лице «врага внутреннего» и врага внешнего. Лидер думских правых Н. Е. Марков в своих многочисленных выступлениях постоянно подчеркивал, что война идет не с «Австро-Германией», а с «Иудо-Германией». До войны, отмечал он в лекции, прочитанной перед курским дворянским собранием, русский народ искал Христа, а немецкий — антихриста. Поэтому, несмотря на то, что на германских касках и кушаках начертано «С нами Бог», следует учитывать, что «бог этот — бог иудейский, бог талмуда».²¹⁰

А в речи перед Главным советом СРН, посвященной тому же вопросу, Марков уже не только голословно обвинял, но и приводил «доказательства» слияния философии германизма с иудаизмом: немецкий язык он сравнивал с «иудейским жаргоном» (идиш); главенствующее вероисповедание Германии — лютеранство — Марков считал более близким к иудаизму, нежели ортодоксальному христианству; также им подчеркивалось «засилье» и «огромное влияние евреев» на политические дела Вены и Берлина. «Идет война христианская с иудо-германством», — таким был конечный вывод правого оратора.²¹¹

Следует, правда, отметить, что при этом правые подчеркивали, что война идет не с немецким народом, а с немецким правительством, жестоко обманувшим свой народ. И поэтому «нет никакого основания настаивать и требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и стерт с лица земного», достаточно сломить угнетающий весь мир немецкий империализм.²¹²

В своих речах правые депутаты призывали Государственную думу забыть обо всех законопроектах, которые не были связаны с войной, и отложить всю реформаторскую деятельность до полной победы над неприятелем.

²⁰⁸ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. С. 52.

²⁰⁹ Розанов В. В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915. С. 162.

²¹⁰ См.: Курская быль. 1915. 13 мая.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 600 об., 610; Вестник СРН. 1915. 17 июля, 9 августа.

²¹² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 123.

«Нам больше всего нужны пушки, пушки и пушки», — говорил Н. Е. Марков. И если Государственная дума начнет в период войны рассматривать вопросы о реформах, то непременно рухнет шаткое единение, выраженное думским большинством в патриотическом подъеме чувств, поскольку такие вопросы, как реформирование российской жизни, гладко пройти не могут и вызовут споры и дебаты. В противном случае, предупреждал Марков, — «Я первый буду создавать прения».²¹³

Кроме того, депутаты не должны были, по мнению правых, критиковать действия ни правительства, ни военачальников. Подчеркивалось, что не дело Думы учить войска, как бить врага, но основная задача Думы — оберегать их тыл, «чтобы сзади не был нанесен предательский удар доблестному воинству русской армии».²¹⁴

В эту короткую трехдневную сессию думская фракция правых выдвинула свою программу требований к войне, которая на протяжении последующих двух лет работы фракции в Государственной думе осталась практически неизменной.

Лейтмотивом программы было полное уничтожение германского империализма и милитаризма. Германский милитаризм понимался правыми в отличие от либералов не как итог определенного политического и экономического развития, а как порождение немецкой культуры и национального характера. Отмечалось, что Россия обязана воспользоваться судьбоносным моментом для достижения своих исторических задач как внешне-, так и внутривнутриполитических. Эти задачи являлись «уточненной» и дополненной правительственной декларацией и представлялись самой консервативной фракции Государственной думы следующим образом:

- Сокрушение германского империализма, для чего совершенно необходимым представлялось превращение Германской империи в прежний союз немецких государств с низведением Пруссии «на ее прежнее скромное место», с восстановлением всех областей и государств, «проглоченных» ею ранее (Ганновер, Шлезвиг, Гольштейн и др.). Только в этом случае, считали правые депутаты, будет исключена возможность всякого возрождения германского империализма.

- Все русские земли должны были навсегда слиться «со своей матерью Россией <...> Русь Червонная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны немедленно слиться на вечные времена с Великой, Малой и Белой Русью в великую нераздельную Россию».²¹⁵ Таким образом, правые настаивали

²¹³ Новое время. 1915. 8 (21) августа.

²¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 127–128.

²¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 123–125; Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 69–71; Новое время. 1915. 28 янв. (10 февр.).

на присоединении Галиции,²¹⁶ Буковины и Закарпатской Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии. Остальные славянские народы должны были быть освобождены от «тевтонского ига» и получить такое внутреннее устройство, которое позволило бы им развиваться «плечо в плечо, рука об руку» с Россией, а никак ей не во вред.

• Проливы, составляющие выход к Черному морю, с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах, должны были поступить во владение России. Эта древняя историческая задача России должна была быть абсолютно удовлетворена, а потому правые настаивали, чтобы до окончания войны точно и определенно было «выговорено» у союзников полное и безусловное владение Россией проливами, Константинополем, Адрианополем и соответствующими областями с Галлиполи, а также солидной областью, прилегающей к Мраморному морю в Малой Азии. При этом правые категорически отвергали идею нейтрализации, в том числе и «частичной» (только Дарданелл), поскольку такое соглашение никоим образом не могло бы удовлетворить Россию.²¹⁷ Особую заботу правых вызвала будущая судьба Константинополя. «Русский щит должен быть прибит к воротам Царьграда, над Святой Софией должен заблестать снова православный крест»,²¹⁸ — декларировали они с трибуны Государственной думы.

• Присоединение Армении с Трапезундом и северной половиной Персии к России.

• Совместное с союзниками владение и управление Святой землей.

«И если мы, Русский Народ, в этой войне победим, — с пафосом резюмировал Н. Е. Марков, — то на всю вселенную раздастся радостный могучий Русский глас:

²¹⁶ Между тем еще в феврале 1914 г. лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново, рассуждая о Галиции как о возможном «призе» в войне против Германии и Австро-Венгрии, замечал, что «явно невыгодно во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь». «Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? — писал в преддверии войны правый политик. — Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров». (*Дурново П. Н. Записка...* С. 190).

²¹⁷ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 512; *Васюков В. С. Внешняя политика России...* С. 84–85.

²¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 124–125.

Прошла Русь варяжская — Новгородская!
Прошла Русь византийская — Киевская!
Прошла Русь татарская — Московская!
Прошла Русь немецкая — Петербургская!
Да здравствует Русь Славянская — Цареградская!»²¹⁹

Об этом же говорилось и в речах правых членов Государственного совета. Так, выступивший на последнем заседании зимней сессии Совета, 30 января, князь Д. П. Голицын-Муравлин указывал, что будущее «начертывает победные слова — освобождение всех славян, полное объединение всей Руси, возрождение Ярославова наследия, возвращение Св. Софии в лоно веры Христовой».²²⁰ «Да будут и Великая, и Малая, и Белая, и Червонная Русь — единою Святою Русью, — вторил ему другой член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). — Довольно иноплеменному царю владеть достоянием древних русских князей, пора вступить в права Державному Наследнику их — Царю Белому, Православному! Пора воскреснуть Червонной Руси, пора русской душе ее отдохнуть на груди матушки родимой, под ласковым взором Царя-Батюшки!»²²¹ О необходимости усиления коренной Руси в «племенном, экономическом и стратегическом отношении» путем присоединения Галиции, северной Буковины и Угорской Руси отмечалось и в записке (ноябрь 1914 г.) И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова (все трое в разное время являлись членами правой группы Гос. Совета). Авторы ее, также поддерживая и другие требования, выдвинутые фракцией правых, дополняли их «выпрямлением границы в Восточной Пруссии», освобождением всех австрийских славян и объединением всех польских территорий в их этнографических границах под скипетром России.²²²

При этом сторонники «твердого курса» рекомендовали правительству следовать примеру союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца, тем не менее мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными».²²³ Как отмечалось

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 610; Вестник СРН. 1915. 9 авг.

²²⁰ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия X. Стб. 118–119.

²²¹ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 125.

²²² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.). СПб., 1998. С. 406.

²²³ История внешней политики России... С. 512.

в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых очень беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам».²²⁴ В связи с этим одним из видных членов правой группы Государственного совета, А. А. Римским-Корсаковым, указывалось правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий».²²⁵ Запрос перед Министерством иностранных дел о том, насколько добросовестно Британия выполняет свой союзнический долг по отношению к России, делал и председатель правой фракции Государственной думы С. В. Левашев.²²⁶

Из приведенных выше внешнеполитических программных требований правых очевидно, что разразившаяся вопреки их желанию война толкнула их к сближению во взглядах с представителями либерального лагеря, в том числе и с конституционными демократами (за исключением, конечно же, отношения к Англии), тоже «бредивших Константинопольским призом» (неслучайно П. Н. Милюков получил в это время выразительное прозвище Милюков-Дарданелльский). Но во внутривнутриполитических установках между ними лежала пропасть. Либералы рассматривали войну прежде всего как войну «освободительную», которая должна была привести к свободе как внешней, так и внутренней.²²⁷ Консервативный же лагерь чаял отвлечь народ от революционной борьбы посредством вызванного войной патриотического подъема и стабилизировать внутреннее положение в стране победоносным ее окончанием. Поэтому доведение войны до половины, без достижения решительной, окончательной победы над врагом, преждевременное заключение мира было для большинства правых решительно невозможно. Это бы привело, как справедливо считали они, к неисчислимым бедствиям России в будущем.

«В переживаемой нами борьбе народов не на живот, а на смерть, за свое историческое существование, она (война. — *А. И.*) не может быть закончена по воле отдельных лиц преждевременным миром. Мир будет коротким перемирием, лихорадочным собиранием новых сил для борьбы за священные

²²⁴ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

²²⁵ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

²²⁶ См.: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346. В полученном ответе глава МИД заверял правого политика, что «Англия несет больше тягот, чем ей следует, и отношения между всеми союзниками более чем безупречны» (Там же).

²²⁷ Речь. 1915. 24 ноября. Подробное изложение внутривнутриполитических взглядов фракции правых представлено в следующей главе.

заветы тех народов, которые борются сейчас между собой <...> Тевтонский мир идет против славянского <...> и ничего другого не может быть кроме поражения, уничтожения и духовной смерти одного из этих миров...» — писал, к примеру, в годы войны лидер думской фракции правых В. М. Пуришкевич.²²⁸

Тем не менее либеральная печать на протяжении всей войны с исключительной силой муссировала слухи о желании правых кругов заключить сепаратный мир с Германией²²⁹ и пыталась уличить своих противников из консервативного лагеря в скрытом германофильстве (ибо говорить о германофильстве явном в годы войны поводов решительно не было). Особо усердствовало в культивировании мнения о германофильстве правых «Общество 1914 г.», возглавляемое графом М. М. Петровским Петрово-Соловово, которое безапелляционно отождествляло мнения отдельных деятелей правого толка со всеми течениями русского консерватизма.

При этом патриотизм правых, который всегда был одной из главных составляющих их политической программы, нисколько не спасал их от обвинений со стороны политических противников. Последние так обходили этот, казалось бы, подрывающий их доводы момент: «Своим природным свойством крайние правые всегда провозглашали патриотизм», — писал, к примеру, либеральный «Вестник Европы». Но далее делалась уничижительная оговорка, призванная свести на нет значение правого патриотизма как гаранта верности интересам России: «конечно, это был патриотизм совсем особого, очень невысокого сорта». После этой характерной ремарки

²²⁸ Пуришкевич В. М. Что хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 8.

²²⁹ Очень характерна в этом плане заметка «Правые „пораженцы“», подписанная псевдонимом Quidam (некто — лат.), в которой представители монархического лагеря огульно обвинялись в подготовке сепаратного мира с немцами «во что бы то ни стало». Правые, заявлял анонимный автор — «предатели по глупости и изменники по подлости». «Эти правые „пораженцы“, пожалуй, еще более гнусны, чем левые, ибо последние исходят исключительно из ложных посылок, а правые из источников окончательно паскудных. К тому же левые пораженцы бессильны, тогда как правые располагают средствами для весьма крупных и опасных экспериментов» (Вечернее время. 1915. 9 (22) сентября). В таком же безапелляционном и бездоказательном духе была написана и статья Ал. П-ко «Правые и Берлин», путем незатейливых риторических фигур манипулирующая общественным мнением: «...Ни у кого нет ни малейшего сомнения (все выделения сделаны нами. — А. И.) относительно прочных и бесспорных связей, существующих между идеологией воинствующего германизма и той политической „программой“, с которой оперируют наши крайние изуверы. Нужно ли это доказывать? И неужели будет парадоксом, если сказать, что внутренняя и внешняя политика черносотенцев всецело опирается на идеи, подсказываемые из Берлина?» (Вечернее время. 1915. 1 (14) декабря).

следовало обвинение правых Думы и Совета в «германофильстве» на примере «какой-то записки», которая вроде как была передана в высшие сферы, но существование которой не подтверждено и не опровергнуто. Но, завершал автор издания свои зыбкие логические построения — «нет дыма без огня», а значит, слухи о германофильстве правых (которые, заметим, такими публикациями как раз и подогревались) имеют под собой почву.²³⁰

Либеральным идеологам также казалось очевидным, что для правых крыльев обеих палат сепаратный мир имеет весьма реальные имущественные интересы, так как некоторые вожди правого лагеря являлись крупными владельцами в приграничной с Германией полосе. А потому якобы «иллюзорные идеи» об укреплении монархического начала совпадали у правых «с очень крупными личными интересами».²³¹ Довод этот, конечно, не выдерживает никакой критики. Даже если учесть, что некоторые правые владели земельными поместьями в приграничной Германии и Австро-Венгрии территории, то разве из этого должно следовать, что такие землевладельцы поспешат заключать мир с немцами и австрийцами, подступающими к их владениям или уже захватившими их собственность? Не разумнее ли не допустить неприятеля, а если он уже захватил земельные владения такого собственника, то приложить все усилия, чтобы выставить его за пределы своей Родины?

Впрочем, были и другие поводы обвинить правых в «германофильстве». Большой газетный скандал спровоцировал редактор-издатель журнала «Российский гражданин», член Совета Русского собрания П. Ф. Булацель. Отказываясь превращаться в записного германофоба, как это стало принято в русском обществе после объявления Германией войны, Булацель с иронией замечал: «Теперь, слава Богу, никому не возбраняется не только писать о необходимости отнятия земли у немецких колонистов, но даже утверждать, что все немцы изверги и вся германская культура представляет сплошной сумасшедший дом, где хозяйничает тот самый дегенерат Вильгельм II, который в течение 25 лет очаровывал своим умом, красноречием, находчивостью и неутомимой трудоспособностью всех англичан, русских и шведских профессоров и писателей».²³² Но каплей, переполнившей терпение либерального лагеря, стала заметка Булацеля, в которой он выражал негодование требованием лидера английских либералов лорда Г. Асквита привлечь к ответственности за военные преступления германцев лично императора Вильгельма. Категорически выступив против создания между-

²³⁰ См.: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 333.

²³¹ Буржуазия накануне революции. М.; Л., 1927. С. 46–48.

²³² *Булацель П. Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 1. С. 12.

народного трибунала, Булацель указывал, что российские газеты, смакующие заявление Асквита, руководствуются желанием «через голову „кайзера“ приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то „верховного суда“ над верховной властью».²³³

В ответ на Булацеля, а заодно и на правых в целом, со всех сторон посыпались обвинения в защите кайзера, германофильстве и измене. Сам Булацель был вынужден объясняться с английским послом Дж. Бьюкененом, а его журнал был взят под контроль предварительной военной цензуры. При этом парадокс заключался в том, что известный в довоенные годы как борец с «немецким засильем», автор заметки, теперь издевательски прозванный газетчиками «Паулем фон-дер Булацелем», обвинялся либеральными изданиями в «германофильстве», «пораженчестве», «пресмыкательстве перед злейшим врагом России».²³⁴

В результате правым пришлось оправдываться. Один из лидеров фракции правых В. М. Пуришкевич сделал официальное заявление от себя лично и возглавляемого им РНСМА, что решительно осуждает выходку Булацеля и настойчиво советует всем членам монархических союзов, разделяющих мнение автора статьи, выйти из них.²³⁵ Кроме того, Пуришкевич направил послу Великобритании Дж. Бьюкенену телеграмму с осуждением «слепца, не понимающего государственных задач России».²³⁶

Эта телеграмма вызвала ответную реакцию Булацеля, заметившего, что ему не хочется утруждать своего недавнего единомышленника ответом, но, обладая более твердой памятью, он мог бы напомнить, «чей портрет (намек на фотокарточку Вильгельма II. — А. И.) стоял на письменном столе у В. М. Пуришкевича до июля 1914 года!»²³⁷

²³³ Булацель П. Ф. 1) Дневник // Российский гражданин. 1916. № 29. С. 14; 2) Борьба за правду / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2010. С. 562–563.

²³⁴ Российский гражданин. 1916. № 33. С. 4. Между тем речь в «Дневнике» Булацеля шла совсем о другом. «Когда и где в моих писаниях я хоть раз говорил, „что мы не должны думать об изгнании вторгшихся в наши пределы армий германского императора“? Когда и где я отрицал „нашу обязанность сокрушить великую опасность на нашей границе в самом ее источнике“? <...> Можно соглашаться или не соглашаться с моими взглядами, можно со мною спорить, но нельзя мне заведомо приписывать позорного качества, которого у меня никогда не было <...> Можно, ненавидя своих врагов, быть с ними справедливым», — пытался доказать политическим противникам свою правоту Булацель (там же).

²³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 144–144 об.; Правые партии. Т. 2. С. 438–439.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Л. 145; Правые партии. Т. 2. С. 440.

²³⁷ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13.

И этот упрек по адресу одного из лидеров фракции правых был во многом справедлив. Дело в том, что в предвоенный период Пуришкевич, как и подавляющее большинство других правых, выступал с критикой правительственной политики сближения с конституционной Англией и излишне дружественных отношений с республиканской Францией, являясь сторонником более тесного союза с политически и династически близкой Российской империи кайзеровской Германией. В июне 1909 г. Пуришкевич написал открытое письмо для берлинской «*Kreuz Zeitung*», в котором протестовал против частых поездок на берега Темзы российских думских либералов, способствовавших сближению России и Англии. В этом письме Пуришкевич называл германского кайзера «рыцарем-императором», подчеркивая, что «традиционные отношения взаимного доверия, любви и уважения, так счастливо сложившиеся между царственными домами Романовых и Гогенцоллернов <...> послужат лишь к укреплению солидарности между Германией и Россией в их дальнейшем ходе исторического развития».²³⁸

Называя Англию «новым Карфагеном» (который, надо понимать, «должен быть разрушен»), Пуришкевич писал за пять лет до войны: «Трудно допустить, чтобы та страна, которая 3 года назад сделала все от нее зависящее к унижению России (речь шла о политике Британии накануне и во время Русско-японской войны. — *А. И.*), чтобы страна эта искала возрождения ее военной мощи и роста ее авторитета в кругу великих держав современного мира. Англии нужна Россия, как тот кулак, который должен во что бы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу... английской гегемонии на море и сохранению за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны: разбитая Россия, в конец обезжизненная, хотя бы и победившая Германия, — обе они вынут каштаны только для Англии, „для нее, нее одной“».²³⁹

Выступая в конце 1908 г. с думской кафедры с критикой проанглийских симпатий кадетов, Пуришкевич указывал депутатам на уроки истории России, которые учат, что мы «проигрываем всегда и всюду в тех сношениях и в тех *ententes cordiales* („сердечных соглашениях“, „Антантах“. — *А. И.*),

²³⁸ Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы. Статья из германской «*Kreuz Zeitung*» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 4; Правые партии. Т. 1. С. 447. Впрочем, надо заметить, что на самих немцев открытое письмо Владимира Митрофановича произвело не лучшее впечатление. Так, газета петербургских немцев «*St.-Petersburger Zeitung*» замечала по этому поводу, что такие друзья Германии, как «господин Пуришкевич, вредят ей больше, чем ее враги» (цит. по: Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской Империи. С. 180).

²³⁹ Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 6.

которые заключали до сих пор с сент-джемским кабинетом».²⁴⁰ Борьба между Германией и Англией за завоевание рынков, указывал тогда политик, заставляет Британию сталкивать Берлин с Петербургом для того, чтобы «вконец похоронить» Россию, опасную для нее на востоке и максимально ослабить немцев, вздумавших препятствовать английской гегемонии. «Нас надует, — констатировал Пуришкевич, — сент-джемский кабинет <...> в конечном результате, все кончится лишь к выгоде Англии». Поэтому, делал вывод правый депутат, русские интересы требуют «самых прочных отношений с теми соседями, которые веками граничат с нами на многие тысячи верст».²⁴¹

Более того, утверждал в предвоенный период правый депутат, простой русский народ, чуждый всякой политике, «чувствует расовую ненависть к Англии, к стране классического коварства».²⁴²

Побывав в германском рейхстаге и пообщавшись с немецкими правыми политиками, Пуришкевич в 1909 г. писал: «Я вынес тогда и остаюсь сейчас, познакомившись с десятками германских общественных деятелей, при твердом убеждении, что тесная, солидарная, дружная работа обеих наций могла бы наладиться между ними на долгие годы при полном сохранении экономических и духовных интересов каждой из них, если бы домощенные близорукие политики наши не разжигали бы чувства ненависти к нам соседнего нам сильного народа, сохранившего у себя и веру в Бога, и любовь к родине, и преданность своему Монарху, и чувство рыцарской чести...».²⁴³

Но заявляя о том, что симпатии правых — на стороне Берлина, и основаны они на верности монархическому принципу, «наиболее полное проявление коего сейчас наблюдается в Германии», Пуришкевич вместе с тем подчеркивал: «...Не чувство симпатии к Германии говорит во мне и вызывает строки этого письма; я русский националист до мозга костей и не способен руководствоваться слюнявой сентиментальностью в вопросах исторических судеб моего народа. Для меня, как и для бесчисленных моих единомышленников в России — все нации — чужие, и близкой может

²⁴⁰ Цит. по: *Алексеева И. В.* Последние десятилетие Российской империи. С. 125.

²⁴¹ Там же. С. 125–126.

²⁴² Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 6. Подобные заявления лидера правых тогда не остались без внимания правительственного официоза, газеты «Россия», в которой отмечалось, что своими речами Пуришкевич «проповедует ненависть ко всем англичанам» (*Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской Империи. С. 190).

²⁴³ *Пуришкевич В. М.* День в Германском Рейхстаге // Прямой путь. 1909. № 12–13. С. 13.

быть, как сейчас Германия, только та близость, которая выгодна моему отечеству, и я, и мы утверждаем, что кислая дружба с Англией ... принесет нам только вред. <...> Нет, скажу я, мы чужды „дипломатических предрассудков“, как назвал эти мотивы в свое время Бисмарк. Мы ищем только своей выгоды».²⁴⁴

Примерно такой же была довоенная позиция Пуришкевича и в отношении Франции. В феврале 1910 г. по его докладу Главная палата РНСМА приняла постановление, в котором в ответ на приезд в Россию делегации французских парламентариев, открыто выражавших свои симпатии либеральной оппозиции, предлагалось «в случае дальнейшего вмешательства французов в наши внутренние дела организовать поездку русских монархистов во Францию для пропаганды идей монархизма во Французской республике».²⁴⁵

Еще в январе 1914 г. в письме к министру иностранных дел С. Д. Сазонову Пуришкевич напоминал властям, что в «старинных отношениях с Германией... [кроется] могучий оплот монархического принципа среди кругом бушующего моря революций».²⁴⁶

Но как только началась война, Пуришкевич, будучи, что называется «реальным политиком», тут же, нисколько не смущаясь своих прежних взглядов, не просто выступил с антигерманскими речами (это пришлось сделать всем русским правым), но и всюду заявлял о своих проанглийских и профранцузских симпатиях.

Впрочем, как представляется, Пуришкевич и до войны не был германофилом в прямом смысле этого слова, хотя и считал союз с кайзеровской Германией более предпочтительным для России, нежели ее участие в Антанте. Это наглядно видно из того, как на протяжении всей политической деятельности менялось его отношение к Германии и немцам.²⁴⁷

²⁴⁴ Пуришкевич В. М. Политические дальтонисты... С. 6–7.

²⁴⁵ Степанов А. [Д.] Пуришкевич В. М. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 604.

²⁴⁶ Цит. по: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее. Сб. ст. СПб., 2005. С. 99.

²⁴⁷ Отношение политика к немцам и Германии не раз претерпевало изменение, вызванное политической конъюнктурой. Так, когда он избирался во II Государственную думу от Бессарабской губернии, где влияние немцев-колонистов было достаточно ощутимым, Пуришкевич через издававшиеся в Одессе немецкие газеты «*Odessaer Zeitung*» и «*Deutsches Leben*» обратился к немцам края с открытым письмом, в котором заверял последних в «самом сердечном и чистом отношении». Называя себя убежденным националистом, но «таким националистом, какими считают себя немцы в смысле

В целом же в годы Первой мировой войны правый лагерь не был един в своей позиции по отношению к Германии и странам Антанты.²⁴⁸ Если в начальный период германской агрессии все правые высказывались за верность странам-союзницам, за борьбу до победного конца, то по ходу войны ситуация заметно менялась. К 1915 г. среди русских правых сложились три точки зрения на эту проблему: позиция ультраправого ВДСРН, склонявшегося с каждым годом войны в пользу сепаратного мира с Германией (в связи с этим название печатного органа союза «Русское знамя» было переименовано остряками в «Прусское знамя»); позиция СРН, возглавляемого одним из лидеров правой фракции Государственной думы Н. Е. Марковым, до конца войны отстаивавшего необходимость борьбы до полной победы над противником,

немецком», политик заявлял: «Унаследовав от отца моего, с которым работал и работаю рука об руку, глубокое уважение к немцу-колонисту, стороннику порядка, чести, правды и закона, зная, что в течение 37 лет, т. е. с самого начала введения в Бессарабской губернии земского положения, отец мой (такой же националист, как и я), отстаивая мощь народа и самобытность развития немца-колониста уезда, беззаветно преданного своему самодержавному Государю, ни разу не разошелся с немцами, я, служа в Бессарабской губернии, пошел по его стопам» (Друг. 1907. 5 января). В итоге, «во время выборов во вторую Думу большинство немецких уполномоченных голосовало за В. М. Пуришкевича, который выступал за неприкосновенность частной собственности и национальные права немецких колонистов, продемонстрировавших в революционную смуту 1905 года верность государству и династии» (Котов Б. С. Положение немцев в земледельческих колониях юга России в оценке российской прессы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. Вып. 1. С. 47). Но попав в Думу, правый политик стал говорить иные речи. С одной стороны, он заявлял, что «самая желательная инородческая группа в Думе — немцы». Объясняя эту установку, политик констатировал: «они преданы династии, потому что верят в то, что династия охранит их привилегии в благодарность за долголетнюю преданность». Но от «вполне верноподанных балтийских немцев» Пуришкевич отделял немецких колонистов, «захватывающих, путем скупки, земли в ряде губерний на юге России и считающих себя прежде всего сынами Германской империи, а не русскими гражданами» (ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 648. Л. 14, 16; Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел (Заседание Государственной Думы 2-го мая 1914 г.) // Прямой путь. 1914. Вып. 5. (Май). С. 251–254). Став в годы Первой мировой войны на откровенно англофильскую позицию, с началом гражданской войны В. М. Пуришкевич вновь кардинально переменял свою внешнеполитическую ориентацию. Так, в конце 1919 г. он уже бичевал английского посланника Дж. Бьюкенена за невыполнение союзнического долга и участие в Февральской революции и признавал ошибочность своего бывшего «англофильства» (Благовест. Журнал Русской монархической народно-государственной мысли (Ростов-на-Дону). 1919. № 1 (декабрь). С. 19).

²⁴⁸ Подробно об этом см.: *Иванов А. А.* «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1 (3). С. 202–212.

но в то же время с недоверием взиравшего на страны Антанты; позиция РНСМА, во главе с депутатом В. М. Пуришкевичем, который неожиданно для многих принял открытую просоюзническую ориентацию.

Лидеры правых вполне отдавали себе отчет, насколько пагубно может отразиться обвинение в «тайном германофильстве» со стороны политических противников на их репутации. Опасались они и осложнения в ходе этой травли и без того непростых отношений с представителями союзных держав, симпатий к которым они, за исключением отдельных представителей движения, не испытывали, но понимали необходимость корректных отношений во исполнение патриотического долга.

«Неустанно работала всяческая ложь и клевета для того, чтобы в этом смысле опорочить правые организации, — указывал в одной из своих речей в Государственном совете Н. А. Маклаков. — В печати обвиняли нередко правых в том, что они жаждут сепаратного мира, что они германофильствуют». Но все эти обвинения, подчеркивал правый оратор — вымысел. «Мы с прискорбием это читали, и возмущались, что эти вздорные слухи перекочевывали за границу и там распространялись, как нечто достоверное и бесспорное.²⁴⁹ И это бесспорное было ложью. Русские люди (читай, правые. — *А. И.*) не только так не думают, но более того, они с презрением отнеслись бы к правительству, которое дерзнуло бы заговорить о мире до окончательного разгрома наших врагов, до полного признания ими самими себя побежденными и разбитыми, и сделали бы это правые люди не в силу каких-либо посторонних влияний извне, откуда бы они не шли и в какую бы форму не облекались, они сделали бы это потому, что международное и мировое положение нашей великой родины для них, для правых людей, превыше всего. Они поступили бы так потому, что державное достоинство России, дающее ей право на роскошь жить своею собственною самобытною русской жизнью, дающее ей право не нуждаться ни в чьей опеке, для правых людей дороже самой жизни».²⁵⁰

²⁴⁹ Так, по сообщению «Вестника Европы», французская «La Revue de Paris» открытым текстом обвиняла лидеров правой группы Государственного совета Н. А. Маклакова и И. Г. Щегловитова в подготовке сепаратного мира. При этом российские либералы преподносили это ничем не доказанное обвинение французского издания (которое, скорее всего, было получено французским журналистом от российских оппозиционеров) как «разоблачение прессы наших союзников», которым якобы удалось узнать, что в июне 1915 г. Маклаков и Щегловитов «готовили России несмываемый позор сепаратного внешнего мира». (См.: *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 413).

²⁵⁰ Речь Н. А. Маклакова, сказанная 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного совета // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 5.

Представители же стран Антанты были действительно не на шутку обеспокоены взглядами правых, особенно, как подчеркивал французский посол М. Палеолог, «влиятельной и многочисленной партии» крайне правых Государственной думы и Государственного совета.²⁵¹ Опасения Палеолога отчасти были рассеяны членом Государственного совета франкофилом М. А. Стаховичем, убеждавшим французского посланника, что ориентация правых на союз с германским императором поддерживалась главным образом расчетами внутренней политики, радикальным образом разрушенными нападением на Сербию. В итоге, отнюдь не разделяя взглядов правого крыла Думы, Палеолог вынужден был признать искреннюю патриотичность правых депутатов.²⁵²

Не менее внимательно следил за взглядами правого лагеря и посол Великобритании Дж. Бьюкенен, резко осудивший позицию Булацеля и оказавший моральную поддержку дружелюбно настроенным по отношению к Англии сторонникам Пуришкевича.²⁵³

Но если «особая» англофильская позиция Пуришкевича, идущая зачастую вразрез с мнением большинства правых, настороженно взирающих на туманный Альбион, как правило, спасала его от подобных обвинений (хотя и не всегда²⁵⁴), то положение другого лидера правых, Н. Е. Маркова, было куда более сложным. Ему постоянно приходилось парировать многочисленные нападки и опровергать свое якобы более чем лояльное отношение к Германии. В данном случае обвинения имели под собой некоторую почву, хотя и ничего не доказывали. Дело в том, что редактор правой, по сути марковской газеты «Земщина», С. К. Глинка-Янчевский, в годы войны проводил линию, согласно которой войну развязала не собственно Германия, а «жиды», которые выбрали Германию орудием своих планов. Нужно же

²⁵¹ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 57.

²⁵² Там же. С. 34, 57.

²⁵³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1817. Л. 94 об.

²⁵⁴ Нельзя не упомянуть об одном небезынтересном документе, отчасти благодаря которому существует мнение об очевидности стремлений фракции правых заключить сепаратный мир с Германией. Речь идет о справке Департамента полиции, составленной в феврале 1915 г. В документе сообщалось, что принадлежащие к русским придворным кругам немцы стремятся оказать давление на правых в Думе, «в смысле побуждения последних к активной агитации в пользу прекращения военных действий...» // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 3; Правые партии... Т. 2. С. 663–664. А также отмечалось, что подобная агитация проводится не без содействия В. М. Пуришкевича. Но на наш взгляд, из цитируемого выше документа следует прежде всего, что, скорее, немцы, принадлежащие к придворным кругам, а не правые депутаты Думы стремились к прекращению войны.

это было им, считал редактор «Земщины», с целью сравить друг с другом последние по-настоящему монархические державы Европы, ослабить их, а по возможности и взаимоуничтожить.

Впрочем, ни Глинка-Янчевский, ни Марков не снимали ответственности за войну с германского правительства и кайзера. Публицисты «Земщины» если и не исключали возможный мир с Германией, то никогда об этом прямо не говорили. Напротив, на страницах этой правой газеты были призывы к доведению войны до победного конца.

В случае с Марковым ситуация усугублялась тем, что, по его же собственному признанию, в его роду было немало предков немецкой крови, хотя, опять-таки по его словам, «выводить из сего, будто бы я не русский, а немец, может только помешанный на чистых кровях мозг... национал-психопата».²⁵⁵ Марков настаивал, что сепаратный мир с Германией для него, как и для большинства правых невозможен, так как это привело бы к новой, более страшной войне.

Все же обвинения Маркова и правых в целом в германофильстве и даже предательстве, по его мнению, основывались лишь на том, что «до войны мы всячески советовали не ссориться с Германией и отыскивали способы к мирному разрешению возникавшей распри».²⁵⁶ Излюбленный же пример при обвинении в германофильстве Маркова оппозицией — его собственная фраза, что «маленький союз с Германией лучше большой дружбы с Англией», не имел никакого отношения к периоду войны, так как фраза эта была произнесена еще весной 1914 г., по словам того же Маркова, с единственной целью оттянуть войну.²⁵⁷ «Мы говорили, — оправдывался Марков, — попробуйте не ссориться, но в то же время говорили: вооружайтесь до зубов».²⁵⁸ И если правые в III и IV Государственной думе (до начала военного конфликта) всячески высказывались против войны с Германией, то это происходило, по их словам, исключительно потому, что, работая в Думе, они имели «достаточно доказательств, что преждевременная война с Германией опасна для России».²⁵⁹

Оппозиция также узрела «германофильство» Маркова в речи, произнесенной им с думской кафедры в феврале 1916 г. Буквально лидер фракции

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 532 об.; Вестник СРН. 1915. 24 января; Земщина. 1915. 13 января; Курская быль. 1915. 16 января. Любопытно в связи с этим отметить, что рупор прогрессистов расценил признание Маркова о немецких кровях в его жилах как «бестактное» (Утро России. 1915. 18 января).

²⁵⁶ Земщина. 1915. 13 января.

²⁵⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2815.

²⁵⁸ Новое время. 1915. 5 (18) августа.

²⁵⁹ Курская быль. 1914. 18 декабря.

правых, говоря о причинах неудач Антанты в борьбе с Германией, сказал, обращаясь к представителям либеральной оппозиции, следующее: «Вся беда в том, что Европа, кроме Германии, уже давно пошла по неверному пути, стала воспитывать юношество в идеях антимилитаризма <...>. Победа может быть тогда, когда народ воспитан в военном духе, в преклонении к воинам, а не в том пренебрежении, с которым вы в мирное время относитесь к военному человеку и военным делам».²⁶⁰ Истинное значение слов Маркова, содержащих нелицеприятные для оппозиции вещи, было тут же искажено левыми криками с места: «лидер германцев!» А близкий к кадетам публицист К. Арсеньев так комментировал сказанное вождем крайне правых: «В самом деле, разве логическим из них (слов Н. Е. Маркова. — *А. И.*) выводом не является вера в непобедимость Германии — и разве с такою верою совместима уверенность в торжестве держав соглашения?»²⁶¹ Таким образом, всего лишь из констатации Марковым, что Германия сумела лучше подготовить своих воинов, и критики правым оратором системы воспитания юношества в либерально-демократических странах и России, оппозиционный публицист нарисовал картину поражения, а то и предательства.

Но доставалось далеко не одному Маркову. Так, после обвинений председателем правой фракции в Думе профессором С. В. Левашевым членом оппозиционного Прогрессивного блока в том, что своей антиправительственной работой он служит на руку Германии, один из лидеров блока, кадет П. Н. Милюков, выразил «удивление», что «заявление против попыток превратить деятельность Государственной думы в деятельность, полезную для немцев, сделал первый оратор съезда правых в Петрограде herr Ritter von Lewashew («герр рыцарь фон Левашев». — *А. И.*)». Это тут же вызвало протест Левашева и другого представителя фракции правых Г. Г. Замысловского (назвавшего пассаж Милюкова наглостью) и покинувших заседание Совета старейшин. На призыв председателя Думы М. В. Родзянко не «называть сотоварищей немецкими терминами», Милюков ответил таким «аргументом»: факт публикации в газете «*Berliner Tageblatt*» отчета о состоявшемся съезде русских правых «свидетельствует» о том, «кто работает на немцев».²⁶²

Оправдываться приходилось и правой группе Государственного совета. В декабре 1915 г. ей даже пришлось выступить со специальной декларацией,

²⁶⁰ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // *Вестник Европы.* 1916. № 3 С. 333–334.

²⁶¹ Там же. С. 334.

²⁶² *Утро России.* 1915. 11 декабря. Заметим, что на таких же «доказательствах» в ноябре 1916 г. Милюков выстроил свои обвинения в шпионаже в пользу Германии против императрицы Александры Федоровны, оказавшиеся ложью.

призванной нейтрализовать многочисленные публикации в печати с обвинениями правых в германофильстве. Отметив, что все эти обвинения не имеют под собой ни одного конкретного факта, а строятся исключительно на том основании, что Германия для многих правых является более близкой по политическому устройству, нежели Англия или Франция, правая группа заявляла, что «вместе со всей Россией она стремится к тому, чтобы раздавить Германию, и не останавливается перед тем, что это стремление направлено против Вильгельма, хотя он и является вдохновителем монархических принципов».²⁶³

Действительно, внешнеполитические взгляды правых накануне войны давали повод их противникам сомневаться в быстрой смене их ориентации с Германии на страны Антанты. Ведь до войны правые всегда утверждали, что не путем борьбы с Германией Россия может помочь славянам, а путем дружбы с ней.²⁶⁴ Отрицательным было и их отношение к внешнеполитическому курсу С. Д. Сазонова, имевшего репутацию убежденного англофила. Правые же в своем большинстве решительно отвергали сближение с Англией, поскольку оно, по их мнению, помимо того, что уже перечислялось, связывало России руки в Персии.

Говоря о так называемом «германофильстве» правых, следует отметить и тот факт, что правые не были склонны отождествлять материально-техническое отставание России, ее недостаточную подготовленность к войне и ее временные неудачи с исторической властью, с принципами царского самодержавия. С этих позиций идейно правым была ближе кайзеровская Германия, которая оказалась подготовленной к войне, в отличие от «парламентских» союзниц, терпящих неудачи так же, как и Россия. Поэтому либеральные, оппозиционные, особенно кадетские круги с настойчивым постоянством проводили мысль о том, что если российских либералов идейная общность с союзниками толкает к сближению с последними, то правых по самой природе тянет к близкой им по строю и духу авторитарной Германии.²⁶⁵ Как отмечалось в жандармском отчете, у правых вызывало раздражение то, что «самодержавная Россия воюет за свободу республики с конституционной монархией, с Германией, имеющей схожий с Россией образ правления».²⁶⁶ Внутриполитическая позиция русских правых, пугало

²⁶³ Утро России. 1915. 11 декабря.

²⁶⁴ Земщина. 1911. 9 января; История внешней политики России... С. 396.

²⁶⁵ Алексеева И. В. 1) Агония сердечного согласия. С. 12; 2) Оппозиция Его Величества... С. 54.

²⁶⁶ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

в связи с этим своих читателей прогрессистское «Утро России», может привести к преждевременному миру с Берлином, поскольку Германия является «единственным оплотом консерватизма в Европе».²⁶⁷ Об этом же говорил и примкнувший к оппозиции националист А. И. Савенко, так представлявший своим новым политическим союзникам взгляды крайне правого лагеря: «Разгром Германии равносителен разгрому идей монархизма и консерватизма. Торжество Англии и Франции будет торжеством идей политического демократизма и радикализма, которые после разгрома Германии широкой волной разольются по всей Европе и захлестнут и наше отечество».²⁶⁸ Кадеты же, ухватившись за эту логическую цепочку, делали из нее совершенно не очевидный, но политически выгодный для себя вывод, заявляя, что для правых, таким образом, «лучше унижение перед врагом <...>, чем возможность поворота в сторону демократии».²⁶⁹ Допустить третий вариант (сокрушение Германии с одновременным укреплением принципов монархизма в России), оппозиция просто не желала.

Правые же, действительно, опасались излишне близких отношений с союзниками по Антанте, и не без оснований полагали, что последние на стороне российских либералов и желают видеть Россию «цивилизованной» конституционной страной. Кроме того, правые были уверены, что все реформы, предлагаемые союзниками, на самом деле предлагаются «международным еврейским правительством», которое приказывает Англии и Франции поступать согласно его целям. Цель же этого «правительства», неоднократно подчеркивали правые, очевидна — уничтожение России как самостоятельного государства.

Правые также настаивали на проведении более твердой линии в отношении союзников, прежде всего Англии, подозревая их в стремлении переложить на Россию основную тяжесть борьбы с вражеской коалицией, максимально экономя собственные силы, дабы выйти из войны менее истощенными, чем их союзница, и навязывать затем России свою волю в делах послевоенного мирного урегулирования.

Обвинения правых в германофильстве не прекращались до самой революции и имели целью, как представляется, больше скомпрометировать политических противников перед союзниками и народом, нежели предупредить и спасти Россию от внутреннего предательства со стороны правой части Думы и Совета, правительства, т. н. «камарильи» и уже мало на что влияющих монархических организаций. Либералам, подчеркивал Н. Е. Марков

²⁶⁷ Утро России. 1915. 25 августа.

²⁶⁸ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346.

²⁶⁹ Там же.

«нужно доказать, что правые как в России, так и в Государственной думе, желают добра немцам и желают вреда России».²⁷⁰

Правые Думы и Совета решительно боролись с этим явлением, так как подобные обвинения отнюдь не были узкопартийной полемикой и становились широко известными в России, в странах-союзниках, в Германии. Видный оратор фракции Г. Г. Замысловский считал, что в условиях военного времени правые и либералы делают (или, скорее, должны делать) одно общее дело. Но последние пытаются обвинениями правых в германофильстве накануне близкого поражения Германии вырвать победу для себя и получить с нее политические дивиденды исключительно в эгоистических целях.²⁷¹

Рассматривая такой сложный, спорный и далеко не однозначный вопрос, как германофильство правых, следует остановиться и на эпизоде с депутатами-большевиками IV Государственной думы. В ноябре 1914 г. пять депутатов-большевиков (А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов) были арестованы за антипатриотическую, антивоенную деятельность и осуждены в феврале 1915 г. Правая часть Думы полностью поддержала решение правительства по отношению к большевикам. Более того, правые настоятельно требовали, чтобы большевики-изменники, «сотрудники кайзера», были переданы не гражданскому, а военному суду, т. е. были судимы по законам военного времени. Вот что писала по этому поводу «Земщина», считавшаяся рупором фракции правых: «...единственной карой [для большевиков] может быть только петля на шее, и при том без всякого промедления, ибо промедление в данном случае смерти подобно».²⁷² В отличие от кадетов, правые считали, что бояться следует не впечатления, которое произведет казнь на общество, а внутренней измены и пропаганды пораженчества социалистов.

Безусловно, что в этих требованиях просматривается желание расправы со своими политическими противниками слева, но нельзя не обратить внимания и на доводы правых в отношении большевиков — последние аттестовывались ими как «сотрудники кайзера», как предатели, действующие в германских интересах. Стали бы германофилы (даже скрытые) лишний раз педалировать эту тему, даже для того, чтобы «потопить» своих противников? Думается, что такой способ был бы уж слишком иезуитским...

Вместе с тем некоторые из правых были искренно обрадованы, что их антиподы слева наконец-то показали свое пораженчество, которое тут же

²⁷⁰ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 193.

²⁷¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2813–2814.

²⁷² Земщина. 1914. 16 ноября.

было преподнесено ими как «германофильство». «...Среди левых, слава Богу, выяснилось течение „пораженцев“, т. е. желающих поражения России. Я говорю „слава Богу“ потому, что это остановит правительство от слишком больших шагов навстречу обществу и левым, среди которых есть подобные господа. Левые долго играли комедию, но положение на войне вывело их из равновесия, и начинка выскочила наружу. По-видимому, это испугало октябристов, и они страшно сбавили тон», — писал в частном письме видный член фракции правых А. Н. Хвостов.²⁷³

Из всего вышесказанного, по нашему мнению, следует, что если некоторых правых думцев и можно заподозрить в т. н. «германофильстве», то только понимая его как чувство глубокого неудовлетворения и досады от осознания того, что воевать приходится с тем, кого так хотелось бы видеть в рядах своих союзников в силу государственно-политической общности. Действительно, война не сблизила правых с союзными парламентскими державами — Англией, Францией, Соединенными Штатами, за исключением разве что В. М. Пуришкевича, занимавшего в этом вопросе, как уже говорилось выше, «особую» позицию.

Определенно, что для большинства правых вынужденная смена ориентации на страны Антанты не привела к смене симпатий. Но чувство долга перед Отечеством и монархией вынуждало правых действовать согласно воле самодержца. Поэтому довоенные симпатии лидеров правых вовсе не означали, что в своем большинстве правые желали сепаратного, преждевременного мира с Германией и тем более поражения России. Большинство членов правых парламентских объединений приняли нежелательную для них войну с пониманием необходимости выполнить свой долг перед Отечеством и монархом до конца. Как справедливо замечает А. А. Дорошенко в отношении одного из лидеров правых, «будучи противником войны до ее начала, Марков-второй считал, что если Россия ввязалась в нее, то должна получить максимальную выгоду от победы».²⁷⁴ И нет никаких сомнений, что победа России над Германией была для правых желательнее, нежели заключение сомнительного и позорного мира.

Очень показательна в этом плане реакция двух видных членов правой группы Государственного совета — князя Д. П. Голицына-Муравлина и П. П. Кобылинского — на озвученное в Сенате США 9/22 января 1917 г. предложение американского президента Вудро Вильсона выступить в качестве посредника заключения европейскими державами «мира без победы»,

²⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 364.

²⁷⁴ *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной думе Российской империи. С. 186.

мира без аннексий и контрибуций. Вместо того чтобы обрадоваться такой идее (что было бы резонно, будь русские правые германофилами в том смысле, какой этому термину придавали их политические противники), они ее нисколько не поддержали. «Войны вообще ведутся не для праздной драки, а ради победы, — заявил в интервью „Вечернему времени“ Голицын-Муравлин. — Мир только тогда будет иметь смысл, когда он будет продиктован теми, которые ныне, воюя против войны, победят Германию. Именно ради победы над войною ведется эта война четверным согласием. Как заключила мир Германия в 1870 г., так и с ней должен быть заключен мир по окончании теперешней войны».²⁷⁵ Поэтому, указывая на правый политик, Россия не может закончить войну, не добившись от Германии ответа за то «чувство обиды», которое она нанесла России, Бельгии, Сербии, Польше, Румынии и другим странам. Так же считал и П. П. Кобылинский, назвавший заявление Вильсона «малопримлемым». Мир без территориальных приобретений казался Кобылинскому также невозможным. «...С ним (Вильсоном. — А. И.) еще можно согласиться в отношении Германии. Но в отношении Турции и Австро-Венгрии — ни в коем случае», — резюмировал правый член Государственного совета.²⁷⁶

Поэтому нам кажется совершенно очевидным, что вне зависимости от того, на чьей стороне Россия вступила бы в Первую мировую войну, конечная цель у русских правых была бы одна — победа России. Это в свойственной ему утрированно-грубой манере, но в целом достаточно справедливо в отношении правых отмечал и В. И. Ленин, подчеркивавший, что «на деле и царизм, и все реакционеры в России <...> хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии <...> Спор идет <...> только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как».²⁷⁷

§3. Работа правых парламентариев в помощь фронту и тылу

Первую мировую войну правые встретили не только патриотическими речами, но и действительной работой как в тылу, так и на фронте. Многие, в том числе и члены IV Государственной думы, оказались в действующей армии, сменив депутатские сюртуки на военные мундиры. У многих на

²⁷⁵ Вечернее время. 1917. 10 (23) января.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Ленин В. И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 13. С. 188.

фронте сражались сыновья,²⁷⁸ некоторые сами ушли добровольцами в действующую армию, либо помогали сражающимся с неприятелем русским войскам, развернув энергичную работу в поддержку армии на позициях и в тылу.

Правый депутат К. М. Струков в декабре 1914 г. определился прапорщиком в 32 артиллерийскую бригаду.²⁷⁹ Князь Б. А. Голицын некоторое время служил в чине поручика в кавалергардском полку (правда, недолго, вскоре он был уволен в запас и вернулся к делам в Государственной думе²⁸⁰) и был награжден за отличия в боях против неприятеля орденом Св. Владимира 4-й степени.²⁸¹ Н. А. Белогуров заведовал хозяйством госпиталя курского земства им. Наследника Цесаревича, располагавшегося при 4-й армии.²⁸² А. П. Вишневецкий являлся уполномоченным того же земства по заведению поездом-баней, получившим широкую известность и немалое количество благодарственных отзывов.²⁸³ А. М. Станиславский организовал в родном г. Богодухове лазарет, содержавшийся исключительно на средства духовенства.²⁸⁴ Б. Н. Лелявский состоял товарищем председателя волынского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах (членом этого же общества являлся и другой правый депутат — П. А. Ярмолович), был членом волынского отделения Комитета великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий и других благотворительных организаций.²⁸⁵

Неоднократно в качестве уполномоченного курской организации помощи армии выезжал на европейский и азиатский фронты военных действий правый депутат Г. А. Шечков, побывавший на Западной Двине, на Карпатах, в Эрзеруме.²⁸⁶ «Был у меня Шечков. Он из Думы едет домой. А перед Думой возил из Курска семь вагонов подарков для полков Курской

²⁷⁸ В частности, сын правого депутата Н. П. Стародумова — Николай, был прославленным летчиком, получившим в годы войны Георгиевский крест. На фронте сражался сын видного члена правой группы Государственного совета А. А. Ширинского-Шихматова.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1176. Л. 169.

²⁸⁰ Там же. Оп. 9. Д. 191.

²⁸¹ Русский инвалид. 1914. 8 ноября (Официальный отдел).

²⁸² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1176. Л. 167–169.

²⁸³ Там же; Отзывы о деятельности А. П. Вишневецкого см.: Курская быль. 1915. 30 мая — 2 июня.

²⁸⁴ Новое время. 1914. 29 июля.

²⁸⁵ Памятная книжка Волынской губернии на 1917 год. Житомир, 1916.

²⁸⁶ См.: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 86.

губернии в армию Радко-Дмитриева. Доходил до самых окопов», — отмечал в дневнике видный русский консерватор Л. А. Тихомиров.²⁸⁷

Епископ Анатолий (Каменский) в ноябре 1914 г., отказавшись от звания члена Думы,²⁸⁸ распорядился, чтобы полагавшееся ему жалование было передано думскому и синодальному Алексеевскому госпиталю «на нужды войны».²⁸⁹ Также на нужды раненых жертвовали депутаты И. М. Доценко, П. В. Новицкий и др.²⁹⁰

Буквально в первые дни войны, 30 июля 1914 г., возглавляемый В. М. Пуришкевичем РНСМА объявил, что его Главная палата прекращает всякую политическую деятельность на время военных действий и передает свое помещение под лазарет для раненых воинов. В сентябре того же года Главный совет СРН призвал «всех православных русских людей» и все отделения Союза открывать на местах по городам свои союзные лазареты для раненых. Сам же Главный совет СРН по инициативе Н. Е. Маркова 7 октября 1914 г. открыл в Петрограде на Каменном острове лазарет на 30 коек с оборудованием и полным содержанием и лечением раненых воинов русской армии. Обязанности сиделок и медсестер в этом лазарете распределили между собой жены и дочери членов Союза.²⁹¹ Почин сбора пожертвований на содержание лазарета положил сам Марков, внося в кассу организации тысячу рублей. Уже к концу февраля на лазарет было собрано более десяти тысяч рублей частных пожертвований.²⁹² Однако, как видно из показаний бывшего товарищем министра внутренних дел С. П. Белецкого, данных в июне 1917 г., организаторы помощи раненым Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский негласно получали на эту деятельность еще и ежемесячные субсидии от департамента полиции, по крайней мере с осени 1915 г.²⁹³ (Впрочем, справедливости ради заметим, что субсидии от власти на подобную деятельность получали и организации, созданные либеральной общественностью).

Сам Н. Е. Марков в 1915 г. был включен в состав Особого совещания по обороне государства, причем неожиданно для многих своих коллег,

²⁸⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 38.

²⁸⁸ Отказ от звания депутата Государственной думы планировался еп. Анатолием еще в феврале 1914 г. в связи с обвинением кадетом Л. А. Велиховым в злоупотреблениях при думских выборах в Одессе, однако под влиянием членов фракции правых владыка сдержал первоначальный порыв и согласился остаться членом Думы (Вечернее время. 1914. 14 (27) февраля).

²⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 20. Л. 9.

²⁹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 205. Л. 27, 36.

²⁹¹ Земщина. 1914. 8 октября.

²⁹² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 510; Вестник СРН. 1915. 10 января.

²⁹³ Правые партии. Т. 2. С. 721.

знавших его только как блестящего оратора и политического бойца, быстро зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах.²⁹⁴ И если многие участники Совецания считали требование Ставки Верховного главнокомандующего довести количество артиллерийских «парков» до 50 (1,5 млн снарядов в месяц) более чем достаточным, то Марков, наоборот, назвал его заниженным. «Относясь со всем уважением к произведенным в Ставке Верховного Главнокомандующего подсчетам, я тем не менее должен заявить <...> что к тому времени, когда мы сможем довести наше производство до 50 „парков“, мы получим новое заявление, в котором будет сказано, что „в силу сложившихся условий техники“ все прежние подсчеты оказались недостаточными, и требуется увеличить норму вдвое, — вспоминал слова Маркова националист В. В. Шульгин. — Я предлагаю, не дожидаясь этого неизбежного заявления, а сразу, теперь же увеличить расчет Ставки вдвое».²⁹⁵ Ход военных действий показал правоту лидера правых.

Созданное по инициативе В. М. Пуришкевича в начале 1914 г. Всероссийское Филаретовское общество народного образования (в числе членов учредителей общества был весь цвет правомонархического движения, в том числе и многие члены правых объединений Думы и Совета, вошедшие в состав Главного совета общества и его комиссий²⁹⁶) с началом Первой мировой войны приостановило охранительную и просветительскую деятельность, переключив свою активность на помощь семьям учителей, призванных в действующую армию и пострадавших от военных действий (убитых или увечных). На эту деятельность обществу было отпущено 50 тысяч рублей находящимся под августейшим председательством императрицы Александры Федоровны Верховным советом по призрению семей лиц, призванных на войну.²⁹⁷

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает личность В. М. Пуришкевича, который, как никто из правой фракции, отдался делу служения Родине в годы войны не на словах, а на деле.²⁹⁸ С началом войны он все реже и реже появлялся в Государственной думе, целиком посвящая себя

²⁹⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 409.

²⁹⁵ Там же. С. 409–410; Шульгин В. В. Дни. М., 1989. С. 120.

²⁹⁶ См.: Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийское Филаретовское общество народного образования?»). СПб., 1914.

²⁹⁷ Вестник Русского собрания. 1915. 1 июня (№ 16).

²⁹⁸ Иванов А. А. Патриотическая деятельность В. М. Пуришкевича в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2002. СПб., 2002. С. 82–84.

делу помощи русской армии. На своем думском ящике, куда опускалась вся корреспонденция, Пуришкевич прикрепил записку следующего содержания, точно таким же образом оформив прошение об отпуске:

Предпочитая слову дело,
Я покидаю Петроград:
Здесь в Думе только говорят,
А это мне осточертело!²⁹⁹

Пуришкевича не удовлетворяло, что в Петрограде вместо реальной помощи фронту занимаются политикой, «сводят счета, распускают слухи, сочиняют резолюции, не понимая, что нужна не шумиха политических резолюций, а муравьиная неустанная работа для армии».³⁰⁰

Оставив на время активную политическую деятельность, В. М. Пуришкевич поступил в начале сентября 1914 г. в распоряжение Красного Креста, откуда был откомандирован под начало октябриста А. И. Гучкова. Однако уже через две недели он вышел из гучковского отряда, расценив его деятельность исключительно как рекламную.³⁰¹ Создав собственный отряд, осенью 1914 г., во главе санитарного поезда Красного Креста, Пуришкевич выехал на фронт. Вместе с Пуришкевичем помогали раненым воинам его супруга Анна Николаевна, спешно прошедшая курсы сестер милосердия, и оба его сына — Всеволод и Вадим, воспитанники младших курсов училища правоведения.³⁰² В задачи поезда входило не только оказание помощи раненым воинам и их эвакуация, но и доставка теплых вещей и пищи на передовые позиции. Основной работой Пуришкевича было устройство питательных пунктов и лавок как для военнослужащих, так и для беженцев, а зачастую и для местного населения, пострадавшего в результате военных действий. Поезд состоял из аптечных вагонов, вагонов-лавок, питательных вагонов, вагона-бани и вагона-читальни. Кроме того,

²⁹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 17; Новое время. 1916. 25 февраля (9 марта); *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 100. Несколько иной вариант этого стихотворения приводит националист А. А. Ознобишин. См.: *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. Париж, 1927. С. 215.

³⁰⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 12.

³⁰¹ «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 126. Не преминул В. М. Пуришкевич вставить шпильку по адресу октябристского лидера, занимавшегося ревизией, посвятив ему, в частности, такие строки: «Не предавался он покою, / Но чист (о, девственный кристалл!), / В тот час, когда лилась рекою / Родная кровь, своей рукою / Повязки раненых считал» (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 613. Л. 1).

³⁰² Земщина. 1914. 21 ноября.

в поезде была устроена вагон-церковь, в которой молодой иеромонах отец Николай совершал богослужения.

Сменил Пуришкевич и имидж — оставив гражданский костюм, он переоблачился в военную форму. «Следующая картина в моей памяти, — вспоминал М. С. Маргулиес, — Пуришкевич во френче; фуражка с предлинным козырьком, закрывающим лоб почти до глаз; во рту большая сигара, в руках стек; выходит из Военного министерства и садится в ждущий его автомобиль Красного Креста, на дверце которого (автомобиль казенный) девиз Пуришкевича — *semper idem* (всегда тот же (лат.). — *А. И.*)».³⁰³

«С объявлением войны Владимир Митрофанович, в горячем, как всегда у него бывает, порыве своего патриотического чувства, весь отдался своей энергичной, самоотверженной, высоко плодотворной деятельности, — отмечал в дневнике член РНСМА полковник Ф. В. Винберг. — Я думаю, что за три года войны он не знал, что такое отдых, что такое жизнь личная. Я видел его в Варшаве, в Люблине, в Риге, еще где-то, и всегда он кипел как в котле, отдав весь свой крупный организаторский и административный талант, все свои силы, все помыслы святому делу войны. Я видел его питательные пункты, его поезда, где так радушно встречали его милые сестры милосердия, где так уютно угощали и давали отдохнуть и от однообразия, и от трудов походной и боевой жизни. Всюду, как офицеры, так и нижние чины, с горячей благодарностью отзывались о помощи, доставляемой Пуришкевичем и его образцовыми отрядами. На что уже Александр Иванович Гучков был обеспечен в однородной своей деятельности широкой общественной популярностью и более крупным масштабом своей роли; а между тем мне воочию приходилось убеждаться, насколько результаты его работы уступают творческому, жизненному труду Пуришкевича, у которого дело горело в руках и спорилось удивительно успешно».³⁰⁴

«Пуришкевич до войны и Пуришкевич во время войны — два различных человека, — отмечал, в свою очередь, правый кадет В. А. Маклаков. — До войны это величина отрицательная. Одни считали его невменяемым, а другие сознательным скандалистом; но едва ли кто видел в нем серьезного и искреннего деятеля. <...> Если бы Пуришкевич умер до войны, то о нем, вероятно, сохранилась бы только *подобная* память; тогда самая его широкая популярность осталась бы простой иллюстрацией к нашей политической некультурности, к инстинктивной склонности нашего народа

³⁰³ *Маргулиес М. С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 119.

³⁰⁴ *Винберг Ф. В.* В плену у «обезьян». Записки «контрреволюционера» // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А. А. Иванов при участии С. Г. Зирина. М., 2008. С. 64–65.

к анархии и бесчинству. Но война заставила переменить мнение о Пуришкевиче. Она открыла в нем черты, которых до тех пор в нем не подозревали. Она обнаружила в нем, во-первых, страсть, которая оказалась не только сильнее всех остальных, но, может быть, и их объясняла: патриотизм. В жертву *ей* Пуришкевич принес все, чем располагал, — свои политические симпатии, личные предрассудки и даже собственную славу. С момента войны он преобразился. <...> По его инициативе создалась целая сеть подсобных для армии учреждений, питательных пунктов, санитарных поездов и т. п. Пользуясь своими старыми связями, своей личной известностью, он доставал деньги там, где для другого это могло бы быть недоступно; находил себе и сотрудников, которые не стали бы работать с другими; словом, он сумел использовать на общее дело весь тот капитал, который приобрел *другими* путями; эта работа поглощала все его внимание и интересы...»³⁰⁵

По сообщению «Нового времени», поезд Пуришкевича был в силу отличной организации и технической оснащенности чуть ли не единственным составом, оказывающим реальную помощь раненым воинам на передовых позициях в первый год войны.³⁰⁶

«У меня всего 15 отрядов, раскинутых на всем С[еверо-] З[ападном] фронте, — отмечал В. М. Пуришкевич в докладе перед Русским собранием в сентябре 1915 г. — Последнее время мне пришлось сузить деятельность своих отрядов в связи с военными событиями, но сейчас я их снова раскидываю и расширяю».³⁰⁷

За три с половиной года своей деятельности отряд Пуришкевича побывал в расположении войск генералов Вас. И. Гурко, П. И. Мищенко, С. М. Шейдемана, В. М. Безобразова, А. Я. Драгомирова и многих других,³⁰⁸ всюду оставляя о своей деятельности благожелательные отклики.

Сам В. М. Пуришкевич позже рассказывал, что он «стоял впереди всех организаций <...>, работал с отрядом по 5–6 дней, не раздеваясь, спя в 1-й период войны в собачьих конурах, в заброшенных избах, зимою без стекол, в товарных узкоколейных вагонах на полу зимой...».³⁰⁹

Он был свидетелем оставления русской армией Варшавы, видел скорби и беды многочисленных беженцев, бросавших все свое имущество и уходящих с насиженных мест в неизвестность; подбирал осиротевших детей, переправляя их в Петроград, открывал для детей беженцев походные

³⁰⁵ Маклаков В. А. В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К^о»... С. 12–13.

³⁰⁶ Новое время. 1915. 27 января.

³⁰⁷ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 6.

³⁰⁸ «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 127.

³⁰⁹ Там же.

школы.³¹⁰ В фондах ЦГАКФФД сохранился альбом с более чем полусотней фотографий, сделанных в 1915 г. доктором С. С. Лазовертом (тем самым, который позднее принял участие в убийстве Г. Е. Распутина), где запечатлены питательные пункты Пуришкевича, оказывающие помощь беженцам, персонал его санитарных отрядов, обслуживание раненых бойцов и другие картины фронтовой деятельности Владимира Митрофановича и его сотрудников.³¹¹

Активная деятельность Пуришкевича вскоре принесла свои плоды. Его санитарные поезда получили в русской армии славу лучших. Так, дочь известного русского историка С. Ф. Платонова, Н. С. Краевич, в письмах к матери отмечала, что ее муж «страшно доволен» тем, что ему удалось перевестись к «генералу», как в шутку называли Пуришкевича, отмечая, что дело организовано у него на самом высоком уровне.³¹² В. М. Пуришкевича буквально заваливали письмами с просьбами принять в свой отряд люди совершенно разных политических убеждений.³¹³ «Попасть в поезд Пуришкевича было мечтой», — отмечал В. В. Шульгин.³¹⁴ Газеты пели ему дифирамбы, солдаты и офицеры искренне благодарили. «Имя его было у всех на устах, — отмечал в своих воспоминаниях об этом периоде жизни Пуришкевича видный правый публицист, член РНСМА Ю. С. Карцов. — Несмотря на свое правое направление, он стал любимцем войска и популярнейшим лицом в России».³¹⁵

С неподдельным восторгом о санитарном отряде Пуришкевича отзывались протопресвитер русской армии и флота о. Г. И. Шавельский, Ю. В. Ломоносов, Н. А. Энгельгардт.³¹⁶ А посетивший поезд Пуришкевича в мае 1916 года император Николай II писал царице: «Это не санитарный поезд — в нем 3 вагона с библиотекой для офицеров и солдат и полевая аптека, очень хорошо оборудованная и рассчитанная для обслуживания трех армейских корпусов <...> Удивительная энергия и замечательный организатор! В этом поезде совсем нет сестер, одни мужчины».³¹⁷

³¹⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 6; ЦГАКФФД. Альбом П 199, сн. 65.

³¹¹ ЦГАКФФД. Альбом П 199.

³¹² ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5906. Л. 4 об.

³¹³ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 692, 702, 707.

³¹⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 266.

³¹⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259.

³¹⁶ См.: Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 214; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 16; Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания). С. 61.

³¹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1926. Т. IV. С. 279–280.

Впрочем, были в отряде и сестры, но, по выражению самого Пуришкевича, только «идейные». Государь император, выслушав доклад В. М. Пуришкевича о деятельности отряда, выразил свое глубокое удовлетворение и объявил Пуришкевичу благодарность.³¹⁸ Легендарный поезд Пуришкевича также удостоился посещения и других августейших особ — королевы Румынии, которая, согласно газетным сообщениям, отзывалась о нем весьма лестно, наградив чинов отряда медалями знака ордена королевы Елизаветы,³¹⁹ и великого князя Михаила Александровича с супругой.

Даже советский автор С. Б. Любош в книге с говорящим названием «Русский фашист Владимир Пуришкевич» признавал, что санитарный поезд Пуришкевича «был одним из лучших и приносил много облегчения тем войсковым частям, к которым он попадал».³²⁰

И если до войны имя Пуришкевича, уже являясь нарицательным, ассоциировалось прежде всего с иницируемыми им скандалами и имело для большинства явно негативную окраску, то по ходу ее ситуация заметно менялась. «Слово „Пуришкевич“ в русской армии сделалось нарицательным именем, — писал побывавший на передовых позициях корреспондент газеты «Бессарабия», — и чтобы указать хорошую постановку дела обыкновенно говорят: „как у Пуришкевича“».³²¹

По словам правого публициста П. Ф. Булацеля, война показала русскому обществу, что Пуришкевич умеет «не только хорошо говорить, но и хорошо работать». «Давно ли вся „передовая“ печать выставляла В. М. Пуришкевича шутом, крикуном, скандалистом, потому только, что он примкнул к правой фракции в Государственной думе? <...> Теперь, работая без отдыха во время войны, заведая питательными обозами, В. М. Пуришкевич заслужил любовь и уважение доблестной нашей армии», — отмечал он в своем публицистическом «Дневнике».³²²

С фронта эта популярность благодаря многочисленным рассказам очевидцев и газетным сообщениям докатилась до столицы. «...Принимаю посетителей, которые приходят ко мне с самыми странными просьбами, — писал в частном письме из Петрограда своему брату, находившемуся в Варшаве, М. М. Пуришкевич. — Я начинаю догадываться, что будь ты в городе, они пошли бы к тебе, но за твоим отсутствием, на худой конец, хотят обратиться хоть к какому-нибудь Пуришкевичу».³²³

³¹⁸ Русский инвалид. 1916. 31 мая; Сельский вестник. 1916. 1 июня.

³¹⁹ Новое время. 1917. 17 (30) января; Там же. 5 (18) февраля.

³²⁰ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 44.

³²¹ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

³²² Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 8. С. 11.

³²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1450.

Следует отметить, что некоторый опыт подобной деятельности у Владимира Митрофановича уже был. В 1898 г., являясь председателем Аккерманской уездной земской управы, он сумел с большим успехом справиться с голодом, привлекая пожертвования и организуя общественные работы.³²⁴ Так что, пожалуй, неудивительно, что со свойственным ему напором и энергией Пуришкевич мог достать для своего поезда практически все необходимое. Если же на позициях выяснялось, что что-то необходимое в поезде отсутствует, то Пуришкевич, как правило, оставлял свой отряд на несколько дней и снова возвращался с одним-двумя вагонами, нагруженный и веселый. Репортер «Нового времени» отмечал, что в санитарном поезде были все необходимые медикаменты, многие из которых невозможно было достать даже в столице. «Никто достать не может, а он достает. На то он и Пуришкевич...» — смеялись офицеры.³²⁵

«Кто не знал отрядов Пуришкевича! — восклицал в своих мемуарах полковник Л. Н. Новосильцев. — С какой неусыпной энергией и умением он устраивал столовые и питательные пункты, иногда в весьма опасных местах».³²⁶ Примечательно также наблюдение фронтового врача и литератора-марксиста Л. М. Войтоловского, передавшего в своих воспоминаниях о Первой мировой войне такой ненароком услышанный им разговор артиллерийского офицера с военным священником: «В армии теперь Пуришкевич, — сообщает священник. — Он устроил санитарно-питательный пункт... как же, как же... Энергичнейший, редкий человек... Свой поезд с кухней... Во время последних боев шесть тысяч человек накормил... И в сферах всемогущ... Железнодорожные власти трепещут... Чуть что — летит телеграмма принцу Ольденбургскому...»³²⁷

«Поистине этот человек творит чудеса на пользу ближних. И если вспомнить, что делается в тылу, как люди грабят здесь друг друга, то невольно преклоняешься перед В. М. Пуришкевичем и пожелаешь ему от чистого сердца много лет в добром здравии поработать на благо России. Мы, бессарабцы, в особенности должны им гордиться, ибо он наша плоть и кровь», — писала о деятельности В. М. Пуришкевича газета «Бессарабия».³²⁸ «В последнее время русское общество проявляет большой интерес ко всему тому, что связано с именем В. М. Пуришкевича. Стоустая молва создает вокруг его имени всевозможные истории и легенды, — отмечал

³²⁴ См.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 26–30.

³²⁵ Новое время. 1917. 4 (17) января.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об.

³²⁷ *Войтоловский Л. Н.* Выходил кровавый Марс. С. 86.

³²⁸ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

военный корреспондент либерального «Утра России». — Все это свидетельствует о громадной популярности, которую завоевал себе в русском обществе В. М. Пуришкевич. <...> Здесь (на фронте. — *А. И.*) почти все от генерала и до последнего солдата знают и любят его, — вернее, ту работу и те учреждения, которые он создал своей энергией в заботах о русском солдате. Кому из побывавших на фронте не известны огромные поезда В. М. Пуришкевича, кто не пользовался гостеприимством его питательных пунктов?»³²⁹ «Почему не все Пуришкевичи?!» — записал в книге отзывов неизвестный прапорщик Т.³³⁰ Как сообщало далее «Утро России», книга отзывов была вся исписана благодарностями, в том числе и стихотворными.

Благодарны Пуришкевичу были и простые солдаты. Советский переводчик Н. М. Любимов вспоминал: в начале 1930-х, когда он находился в ссылке в Архангельске, хозяин дома, в котором его поселили, ветеран Первой мировой войны В. А. Карпов затеял с ним разговор о политике-монархисте. «„Я Пуришкевича до самой смерти не забуду“, — сказал Венедикт Александрович. Я подумал, что он преисполнен к Пуришкевичу ненависти как к заядлому монархисту. „Если б он не подвозил нам на своем поезде продовольствия и не подбирал раненых, мы бы с голоду передохли и кровью истекли, — продолжал Венедикт Александрович. — Другие распинались за народ в Думе, а он дело делал. Ты не знаешь, он жив? Умер? Ну, царство ему небесное“. Таков был отзыв простого солдата о Пуришкевиче-человеке. Потом мне не раз приходилось слышать о нем подобные отзывы, и опять-таки от тех, кто узнал в Первую мировую войну, почему фунт русского солдатского лиха».³³¹

Впрочем, были и критические отзывы о деятельности Пуришкевича на фронте. Так, уже упоминавшийся нами М. С. Маргулиес, бывший в то время политическим противником Пуришкевича, в своих воспоминаниях утверждал, что его бывший однокашник был лишь талантливым рекламистом, умело пускавшим обществу пыль в глаза. «...Вижу на Северо-Западном фронте, между Двинском и Штокмансгофом грандиозную рекламу на народном горе: на всем протяжении этой части фронта, на дорожных столбах, на стенах железнодорожных станций, на стенах вагонов, на открытках — везде Владимир Митрофанович Пуришкевич. Поезд Красного Креста — организован в числе многих десятков других Красным Крестом; на стенах его написано маленькими буквами „Поезд Красного Креста“ и огромными

³²⁹ *Москвин С.* На пункте Пуришкевича // *Утро России.* 1917. 17 февраля.

³³⁰ Там же.

³³¹ *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. М., 2004. Т. 2. С. 118–119.

„Владимир Митрофанович Пуришкевич“. И статистика его — такая же. <...> Бесцеремонной ложью были напичканы все отчеты; а результата все же Пуришкевич добился — попал в исключительные, особенно энергичные благодетели фронта».³³²

Но, как можно было убедиться из приведенных выше высказываний самых разных людей, как противников, так и сторонников Владимира Митрофановича, как штатских, так и военных, — говорить о Пуришкевиче исключительно как о рекламисте значило бы грешить против истины. Но одно Маргулиес подметил верно — делая большое дело, честолюбивый политик не забывал и о саморекламе. Быть лучшим, но непременно, чтобы об этом все знали и говорили — таковым, как представляется, был посыл Пуришкевича. Его активная и полезная деятельность на фронте протекала не по-подвижнически тихо, а сопровождалась громкой рекламой, призванной усилить ее эффект и донести славу о политике как можно дальше. Похоже, что патриотические побуждения Пуришкевича, сомневаться в искренности которых нет никаких оснований, тесно переплелись с прагматическими политическими целями. Обладая хорошим чутьем, политик с первых же дней войны осознал важность завоевания симпатий армии, которые, учитывая народный характер войны, должны были стать после ее окончания для него мощной поддержкой. Очевидно, что если бы война закончилась победой русского оружия, рейтинг Пуришкевича-политика существенно бы вырос. А учитывая то, что с каждым годом войны торжество либеральных идей становилось все более и более очевидным, поддержка широких народных слоев на выборах в V Государственную думу (попасть в которую дискредитировавшим себя лидерам правых было бы весьма затруднительно) была для него более чем актуальной. «Настанут дни выборов в шестую, седьмую, восьмую, девятую и десятую Государственную думу, и я вам скажу, <...> я не верю в то, чтобы следующий ряд Государственных дум носил такой же характер, какой она имеет сейчас, — публично признавался Пуришкевич с думской кафедры в феврале 1916 г. — Я в это не верю, и каковы бы не были административные воздействия на избирателей, каковы бы ни были стремления получить тот характер, который желателен власти, будет тот характер, который желателен народу. Мы останемся в громадном меньшинстве, благодаря превратному представлению народа о тех целях, которые мы преследуем, благодаря тому клейму, которое на нас накладывают (указывает влево) отсюда».³³³

³³² Маргулиес М. С. Год интервенции. Кн. 1. С. 119–120.

³³³ Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года // Трибуна. Избранные парламентские речи (стенограммы). Вып. 8. Пг., 1916. С. 20–21.

Необходимо сказать несколько слов и о составе отряда В. М. Пуришкевича. По данным на 1916 г., в головном отряде Красного Креста трудилось на различных пунктах 89 человек.³³⁴ В разное время в состав отряда входили и другие депутаты фракции правых — А. М. Сеницын и С. В. Левашев.³³⁵ Но поразительно другое. Отряд Пуришкевича, известного своим антисемитизмом и подозрительным отношением к другим «инородцам», был интернациональным! Этот факт упомянул на суде, учиненном большевиками в 1918 г., сам Пуришкевич, что, правда, можно было бы расценить как попытку закамуфлировать антисемитскую составляющую черносотенства.³³⁶ Но наличие в отряде лиц самых разных национальностей, в том числе и евреев, подчеркивал и корреспондент газеты «Бессарабия», посетивший поезд Пуришкевича. В статье за подписью «Бывший на фронте» отмечалось: «Поставив себе за правило никому не отказывать, организации Пуришкевича не делают различия между национальностями: здесь служат русские, поляки, евреи, магометане, киргизы, японцы и друг[ие]».³³⁷

Кроме того, как показывала старшая сестра головного отряда, которым руководил Владимир Митрофанович, Е. В. Сербова, «ко всем служащим отряда предъявлялось со стороны Пуришкевича самое строгое требование служить исключительно делу питательного пункта, проявляя при этом самое гуманное отношение ко всем и к каждому нуждавшемуся в помощи питательного пункта вне зависимости от его положения, политических взглядов, национальности и вероисповедания».³³⁸

Конечно, трудно поверить, что Пуришкевич в одночасье возлюбил евреев, которых еще совсем недавно поносил в своих речах. Скорее всего, ставка была сделана на поднятие собственного престижа в новых политических реалиях, и в этом контексте можно допустить, что Пуришкевич действительно «камуфлировал» свой антисемитизм, однако не только на словах, но и на деле. Заметно в лучшую сторону изменилось отношение Пуришкевича и к полякам (см. об этом ниже).

При санитарных поездках Пуришкевич занимался созданием «даровых библиотек» для воинских чинов. В декабре 1915 г. ему удалось убедить товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского выделить ему из секретного фонда 10 тыс. рублей, поскольку на деньги Красного Креста

³³⁴ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 702. Л. 8–10.

³³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1235, 1241.

³³⁶ См.: Розенталь И. С. Вступительная статья // «27-го февраля мы могли стать гражданами...» С. 120.

³³⁷ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

³³⁸ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 35.

он этого делать не хотел.³³⁹ Библиотеки эти, помимо организации досуга раненых, да и просто отдыхающих солдат и офицеров, преследовали и политическую цель, пополняясь в основном литературой черносотенного содержания. Так, С. П. Белецкий свидетельствовал, что, получив средства от департамента полиции, Пуришкевич тут же купил у правого депутата Г. Г. Замысловского книг на 2 тыс. руб., в том числе и 400 книг по делу Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве отрока Андрея Ющинского.³⁴⁰ А ознакомившийся с библиотекой Пуришкевича историк М. К. Лемке отмечал, что большей частью она была составлена из «Михаил-Архангельской литературы», представленной в прекрасных переплетах.³⁴¹ Поэтому не совсем правильно было бы говорить, что Пуришкевич полностью прекратил политическую деятельность.

В. М. Пуришкевич получал для своей деятельности довольно крупные суммы от правительства (около 100 тыс. руб. за 1914–1916 гг.³⁴²) и, используя связи в высшем обществе, добивался лучших условий для персонала своих поездов. Однако следует признать, что «Пуришкевич деньги брал, и много денег, но и дело делал».³⁴³

Заботясь о патриотическом настрое рядового состава армии, Пуришкевич пускает в оборот серию им самим же написанных брошюр «Солдатские песни», а также отдельные оттиски своих «песен», представлявших собой преимущественно простые незамысловатые стихи оптимистического содержания в духе «ура-патриотизма» (нередко содержащие лексику, близкую к ненормативной). Часть тиража «песен» Пуришкевича бесплатно раздавалась на позициях бойцам, часть реализовывалась в тылу за сравнительно высокую цену — 50 копеек за брошюру. Весь сбор от продажи книжек шел на покупку табака для нижних чинов передовых позиций, как сообщалось на обложке изданий.³⁴⁴

Кроме того, Пуришкевич читал лекции по всей России; вырученные от них средства также шли на снабжение солдат и офицеров книгами. По его собственному свидетельству, им было роздано (данные на начало 1917 г.) более миллиона книг для солдат и около ста тысяч для офицеров на сумму

³³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28.

³⁴⁰ Падение царского режима... Т. 4. С. 434.

³⁴¹ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Петербург, 1920. С. 835.

³⁴² Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 447–455.

³⁴³ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 30.

³⁴⁴ См.: Пуришкевич В. М. Солдатские песни Владимира Пуришкевича. Серия первая. Пг., 1914; То же. Серия вторая. Пг., 1915.

до ста тысяч рублей, отчет о чем был представлен Государственной думе.³⁴⁵

Впрочем, горя патриотизмом, Пуришкевич не забывал и о своих политических интересах. Еще в 1910 г. он указывал на то, что самым верным и действенным способом расположить к себе офицеров и солдат является забота об армии, оказание ей всяческих услуг, «в особенности по удовлетворению ее материальных интересов». «Если в Г[осударственной] Думе будут народные представители, <...> исключительно говорящие об армии, разрешающие всякие вопросы по удовлетворению материальных нужд военного сословия, то ясно, что армия будет их знать, будет следить за их деятельностью и станет им сочувствовать, если заметит с их стороны желание быть популярными в армии», — писал политик в одной из своих записок.³⁴⁶ А когда разразилась война, Пуришкевич неоднократно указывал правым, что рекламная активность либеральной оппозиции (пусть порой и чисто показная) в деле помощи армии приносит ей политические дивиденды, а потому ни на минуту нельзя забывать, что выборщиками во все следующие Думы, учитывая народный характер войны, будут те самые солдаты, что сейчас бьются на фронте — ведь воюют не просто русские солдаты, но и русские избиратели, уважение и доверие которых необходимо завоевывать уже сейчас.³⁴⁷

Все положительные отзывы о деятельности своих санитарных отрядов Пуришкевич старательно собирал, однажды обмолвившись: «Богатейшие письменные документы, бесчисленные письменные благодарности за все сделанное отрядами, хранятся в моем архиве, будут в свое время обработаны, выйдут в свет — и скажут обществу, что делали мы — идейные люди, проникнутые горячей любовью к Родине и спаянные духовно единством благородной цели милосердия».³⁴⁸

Поэтому, как представляется, не без политического расчета, помимо солдат и офицеров Пуришкевич направил свою благотворительную деятельность на петроградских рабочих. Как уже говорилось, деятельность возглавляемого им РНСМА на время войны была практически свернута, помещение его отдано под лазарет, а руководство Союза открыло по указанию Пуришкевича на Знаменской улице собственную продовольственную

³⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28; Новое время. 1917. 17 (30) марта.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 9–10.

³⁴⁷ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 18; *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 136–137.

³⁴⁸ Народный трибун. 1917. 5 октября.

лавку. «Полновластной хозяйкою [ее], — вспоминал Карцов, — стала Софья Львовна Облеухова (жена заместителя председателя РНСМА Н. Д. Облеухова. — *А. И.*). В умелых ее руках, бесспорно, дело пошло на лад. „Посмотрите, что сделала баба“, — справедливо гордился ею Пуришкевич». ³⁴⁹ На вырученные от продаж деньги Главной палатой РНСМА было решено открыть со временем приют для сирот воинов, причем, по настоянию В. М. Пуришкевича, предпочтение при приеме в приют должно было быть отдано сиротам воинов, призванных из рабочих петроградских заводов. ³⁵⁰

Однако, несмотря на организаторский талант Облеуховой, эта инициатива не принесла результата — денег для Союза в желаемом размере заработать не удалось. В декабре 1916 г. лавка имела 9 тыс. руб. долга при обороте в 190 тыс. 270 руб. ³⁵¹ «Трудясь в лавке, не забывала она [С. Л. Облеухова] и себя, — отмечал Карцов. — Жалование, которое Союз назначал ей, секретарю Яковлеву и другим служащим, постоянно повышалось, а с увеличением расходов поднимались и цены на продукты. <...> В результате цель, общественная и филантропическая, которую, открывая лавку, поставил себе Союз, оказалась недостигнутой». ³⁵²

Сам же В. М. Пуришкевич работал самозабвенно, вдаваясь, казалось бы, в мельчайшие и несущественные детали. «Пуришкевич наезжал в Петроград, но останавливался ненадолго и спешил обратно на фронт. С единомышленниками <...> беседовать о событиях ему было некогда: он был слишком занят. Софья Львовна [Облеухова] рассказывала, — сама она видела, — целыми часами просиживал Пуришкевич в магазине и глядел, как мололи кофе, который он накупил и вез в армию». ³⁵³ Что ж, вполне характерный штрих. Пуришкевич не был бы собой, если бы не смог достать для своего поезда все самое лучшее.

Таким образом, война показала, что пафосные патриотические речи правых были для многих из них отнюдь не пустыми словами, о чем свидетельствует хотя бы деятельность В. М. Пуришкевича. Уже спустя десятилетия бывший политический оппонент Пуришкевича, кадет В. А. Маклаков признавался, что «война обнаружила его [Пуришкевича] основную черту; ею была не ненависть к конституции или Думе, а пламенный патриотизм». ³⁵⁴

³⁴⁹ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 310.

³⁵⁰ Правые партии. Т. 2. С. 597.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 310.

³⁵³ Там же. Л. 311.

³⁵⁴ *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума. (Воспоминания современника). London, 1991. С. 194; [*Степанов С. А.*] В. М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 334.